

РАССВЕТ БЕЗ СТРАХА

ДЖУД ФОСТЕР

РАССВЕТ БЕЗ СТРАХА

Джуд Фостер

Оглавление

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К СЕБЕ	5
Глава 1. Слесарь пятого разряда	5
Глава 2. Звонок из другого мира	7
Глава 3. Незванные гости	9
Глава 4. Девять часов	10
Глава 5. Шизотерик	13
 ЧАСТЬ II. СЛЕДОВАТЕЛЬ.....	15
Глава 6. Место встречи изменить нельзя	15
Глава 7. Девять часов пустоты.....	17
Глава 8. Трещина	21
 ЧАСТЬ III. ПЕРЕВОРОТ.....	25
Глава 9. Осколки в зеркале.....	25
Глава 10. Папка № 281-Э.....	26
Глава 11. Встреча на краю	27
Глава 12. Начало.....	29
 ЧАСТЬ IV. РАССЛЕДОВАНИЕ	32
Глава 13. Школа Конспирации.....	32
Глава 14. Цифровой след зверя	34
Глава 15. Призраки прошлого.....	36
Глава 16. Путь ненависти.....	38
Глава 17. Идеология Четвертого Рейха	40
Глава 18. Портрет в багровых тонах.....	42
Глава 19. Зеркало для Героя	43
Глава 20. Первый камень	45
Глава 21. Архитектура страха	47
Глава 22. Голос из цифровой бездны	49
Глава 23. Паутина Спрута	52
Глава 24. Призраки прошлого и тени будущего.....	54

Глава 25. Операция «Цифровой самиздат»	56
Глава 26. Первый контакт	59
 ЧАСТЬ V. ИСКУПЛЕНИЕ И РАССВЕТ	 61
Глава 27. Школа конспирации наоборот	61
Глава 28. Братство совести	63
Глава 29. Сеть Шепота	64
Глава 30. Современная версия Самиздата	65
Глава 31. Рассвет	67
Глава 32. Мир с самим собой	68

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К СЕБЕ

Глава 1. Слесарь пятого разряда

Глебу было тридцать семь, и его руки знали металл. Знали его холод по утрам в нетопленном цеху, его податливость под резцом, его упрямство, когда деталь не шла в паз. Пальцы, покрытые сетью застарелых шрамов и въевшейся в кожу металлической пылью, могли на ощупь, вслепую, определить допуск в сотую долю миллиметра. На заводе Глеба ценили. Слесарь-инструментальщик пятого разряда — это не просто строчка в трудовой, это знак качества, почти что каста. Когда ломался особенно хитрый станок или нужно было подогнать уникальный пресс-штамп, звали Глеба. Он приходил, неторопливо, со своим стареньким ящиком, обходил агрегат, как врач больного, слушал его, щупал, и через полчаса обычно находил причину там, где до него пасовали трое.

Жизнь его текла по заводскому гудку: подъем в шесть, смена, дом. Не женат. Жил с родителями в стандартной «трешке» на окраине небольшого, когда-то уютного, а теперь просто привычного российского города. Мать хлопотала на кухне, отец смотрел телевизор, и вечерний воздух пах жареной картошкой и тревогой из новостей.

Эта размеренность, однако, была лишь внешней оболочкой. Внутри Глеба шла совсем другая жизнь, невидимая ни коллегам по цеху, ни даже родителям. С детства он был «слабеньким». Бесконечные простуды, слабые легкие, вегетососудистая дистония — врачи разводили руками и выписывали очередные таблетки, от которых становилось только хуже. Отчаявшись, он начал искать сам. Сначала были книги по нетрадиционной медицине, травники, потом дыхательные гимнастики. А в 2010 году, почти случайно, он наткнулся на слово «йога».

Для большинства людей и тогда, и сейчас йога была чем-то вроде фитнеса для гибких девушек в ярких лосинах. Красивые позы на фоне заката, стойки на голове, шпагаты. Но Глеб, вчитываясь в неказистые,

отпечатанные на принтере переводы древних текстов, увидел нечто иное. Он разглядел путь. Путь не наружу, а вглубь.

Асаны, физические позы, оказались лишь первой, самой грубой ступенью. За ними открывался целый мир — пранаяма, управление дыханием и жизненной энергией. А дальше — техники контроля ума, умирения вечного внутреннего диалога, который раздирает человека на части. Он читал, слушал лекции редких энтузиастов, которые делились своими знаниями в сети, и практиковал. Каждый день, после смены, он приходил домой, ужинал, ждал, когда родители лягут спать, и расстилал на полу в своей комнате старенький коврик.

Он не стремился к акробатическим рекордам. Его йогой была тишина. Умение сидеть неподвижно, наблюдая за потоком мыслей, не вовлекаясь в него. Умение замедлять дыхание до почти полной неразличимости. В эти моменты мир заводских гудков, лязга металла и телевизионных криков отступал. Уходила боль в вечно ноющей спине, прояснялась голова. Он чувствовал, как внутри него растет что-то чистое и сильное — покой, а затем любовь. Не апатия, не безразличие, а спокойная, ясная сила. Победа не над кем-то, а над вечным хаосом внутри самого себя.

К 2025 году мир вокруг изменился до неузнаваемости. Но Глеб, погруженный в изучение вечных законов бытия, совершенно не замечал, как меняются законы земные. Он жил в своей вселенной, где главной ценностью было сострадание и самопознание, и не видел, что за окном сгущается совсем другая атмосфера. Атмосфера подозрительности, страха и поиска врагов. Он был слишком счастлив и слишком чист, чтобы заметить грязь, подступавшую к самому порогу его дома. Он считал себя патриотом и порядочным человеком. И он им был. Только вот определения этих понятий в его мире и в мире за окном стремительно расходились.

Внутри него расцветала такая тихая, несокрушимая радость познания. Не восторг, не эйфория, а именно спокойная, глубокая радость от простого факта бытия. Ему хотелось поделиться этим. Не для того, чтобы кого-то научить или обратить в свою «веру». Просто потому, что эта радость переливалась через край.

И он начал делиться. На заводе, в курилке, он вдруг мог рассказать мужикам, обсуждавшим проигрыш местной футбольной команды, о том, как наблюдение за дыханием может успокоить гнев. Соседке, жаловавшейся на давление, он советовал простые дыхательные упражнения. Он создал небольшой чат, куда скидывал ссылки на лекции и книги, которые когда-то помогли ему.

Он не видел в этом ничего предосудительного. Он говорил с коллегами в цеху о том, как простое дыхательное упражнение может снять стресс после скандала с начальством. Рассказывал знакомой, страдавшей бессонницей, о техниках расслабления. Он не проповедовал. Он просто делился тем, что спасло его самого. Он видел в людях усталость, страх, растерянность и хотел дать им то, что нашел сам — точку опоры внутри.

Он не понимал, что в новом, построенном на страхе и подозрении мире, человек, предлагающий внутреннюю свободу, становится опаснее любого врага.

Глава 2. Звонок из другого мира

Телефонный звонок вырвал его из вечерней тишины. На экране высветилось знакомое имя с иностранным флажком. Антон. Друг детства, лет десять назад уехавший в Испанию.

— Глебыч, здорово! — голос в трубке был шумным, веселым, пропитанным солнцем и морем. — Как ты там, в своей России-матушке? Завод стоит?

— Стоит, куда он денется, — улыбнулся Глеб. — Как сам, испанец?

— Да отлично! Вот, сидим в кафе на набережной, орчату пьем. Тебе привет передают.

В трубке слышались женские голоса, смех. Глеб представил себе эту картину: закатное солнце, плеск волн, беззаботные, красивые люди. Другой мир.

Поболтали о пустяках, о родителях, о общих знакомых. Но потом Антон посерьезнел.

— Слушай, я тут новости ваши читаю... Что у вас вообще происходит? Такое ощущение, что гайки закручивают уже не то что до упора, а срывают резьбу.

Глеб вздохнул.

— Да есть немного. Но меня это как-то не касается. Я политикой не интересуюсь.

— Да при чем тут политика! — почти крикнул Антон. — Сегодня не касается, а завтра любая книга, которая им не понравится, станет нежелательной. Твоя йога, например. Скажут, что это тлетворное влияние Запада или Востока, неважно. И что ты будешь делать?

Глеб молчал. Он действительно никогда не думал об этом в таком ключе.

— Во-во! Я про это и говорю. Какой-то сюр. У меня тут знакомый, тоже из наших, рассказывал, что у его отца, профессора, проблемы начались из-за какой-то лекции по истории. Представляешь? По истории! Что дальше, за неправильные мысли сажать будут?

— Похоже на то, — тихо сказал Глеб.

— Слушай, — Антон вдруг рассмеялся, — я тут фильм фантастический смотрел недавно. Там, короче, в будущем спецнадзор останавливает общественный транспорт и проверяет у всех флешки, телефоны — ищут запрещенную инфу. Я как представил: едешь ты, Глебушка, в своей маршрутке номер пять, вдруг — визг тормозов, врываются ребята в масках, а ты судорожно пытаешься выкинуть в форточку флешку со своими мантрами и лекциями по пранаяме.

Они посмеялись вместе. Шутка была абсурдной, нелепой. Флешка с йогой. Кому она может угрожать?

— Ладно, старик, бывай, — сказал Антон, прощаясь. — Ты там это... осторожнее. А то твоя йога — это ж сплошная работа на иностранные разведки. Индийские.

Они еще раз посмеялись, и разговор закончился. Глеб положил телефон. Шум испанской набережной стих, и его снова окружила тишина российской квартиры, прерываемая лишь бормотанием телевизора из комнаты отца. Шутка Антона, дурацкая и нелепая, почему-то не выходила из головы, оставив после себя холодный, тревожный осадок.

Прошло два месяца.

Глава 3. Незванные гости

Звонок в дверь был негромким, но настойчивым. В семь утра. Мать, еще в халате, пошла открывать, недоуменно бормоча: «Кого там принесло в такую рань?»

На пороге стояли трое. Двое в строгой гражданской одежде, один в форме. Их лица были непроницаемы, как серый утренний туман за окном.

— Глеб Игоревич здесь проживает? — спросил один из них, тот, что постарше, не повышая голоса.

— Здесь, — растерянно ответила мать. — А что случилось?

— Нам нужно с ним побеседовать. Пройдите, пожалуйста, с нами.

Глеб, уже вышедший в коридор, всё понял сразу. Тот самый холодный осадок после разговора с Антоном вдруг превратился в ледяную уверенность. Это пришли за ним.

— Я сейчас оденусь, — спокойно сказал он.

Они вошли в квартиру. В их присутствии сам воздух в маленькой прихожей стал плотным и тяжелым. Мать смотрела на него испуганными глазами, отец вышел из комнаты, ничего не понимая.

— Глебушка, что происходит? — шепотом спросила мать.

— Всё в порядке, мама, — он обнял ее. — Просто поговорят и отпустят. Не переживайте.

Он надевал джинсы, свитер, ботинки. Руки немного дрожали, но он тут же взял дрожь под контроль, сделав несколько глубоких, размеренных

вдохом, как учился. Внутри, за первым уколом страха, поднималась волна холодного спокойствия. «Ты — наблюдатель. Ты не тело. Ты не ум. Ты тот, кто видит». Эта мысль, тысячу раз повторенная во время медитаций, сейчас стала его якорем.

После проведения тщательного обыска, словно искали что-то самое запрещённое в этом мире, изъяли ноутбук и телефон. И пригласили поехать с ними.

Они спустились по лестнице. У подъезда стояла черная машина без опознавательных знаков. Его посадили на заднее сиденье, двое сели по бокам. Машина тронулась.

Он смотрел в окно на просыпающийся город. Вот булочная, куда он бегал за хлебом. Вот школа, где он учился. Вот остановка, где он садился на автобус до завода. Привычный мир проплывал мимо, но уже казался далеким, как будто он смотрел старое кино. Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох. Выдох. Спокойно. Ровно. Они могут забрать его тело. Но они не могут забрать то, что внутри.

Глава 4. Девять часов

Здание, куда его привезли, было серым и безликим. Внутри — длинные коридоры, покрашенные казенной зеленой краской, и тишина, давящая на уши. Его завели в небольшой кабинет без окон. Стол, два стула, тусклая лампа под потолком, шоколадка и стакан воды.

Человека, который вел допрос, звали Николай Петрович, но он не представился. Он был лет сорока, с усталыми глазами и жесткой линией рта. Он говорил тихо, почти буднично.

— Ну что, Глеб Игоревич. Рассказывайте. На кого работаем?

— Я работаю на заводе. Слесарем пятого разряда, — так же спокойно ответил Глеб.

— Не надо из меня дурака делать, — усмехнулся следователь. — Мы всё про вас знаем. Ваши контакты, ваши «кружки по интересам». Распространение нежелательной литературы. Связи с иностранными спецслужбами. Давайте по-хорошему. Рассказывайте, кто вас завербовал, какие задания давали.

Так начались эти девять часов. Вопросы повторялись по кругу, менялись лишь формулировки. На столе перед следователем лежала папка с его именем. Оттуда доставали распечатки его переписок из старого ноутбука, изъятого из квартиры.

— А это кто такой, Пракаш Джи? Ваш куратор из Индии?

— Это учитель йоги. Я слушал его лекции в интернете.

— Лекции? — следователь снова усмехнулся. — Шифровки, значит. А что вы обсуждали с этим... Антоном из Испании? Про «закручивание гаек»? Готовили почву для смуты?

Глеб отвечал ровно и правдиво. Да, интересовался йогой. Да, говорил с другом о ситуации в стране. Нет, ни на кого не работал. Он видел, что его ответы не имеют значения. У них уже была готовая картина, и они просто пытались втиснуть его в нее.

— Кто такой «Свами Дас»? Ваш куратор?

— Это просто никнейм на форуме, я с ним пару раз общался в 2012 году.

— А зачем вы распространяете среди рабочих завода экстремистскую литературу?

— Я никому ничего не распространял. Я советовал книги по философии.

— Вот эти? — Фролов бросил на стол распечатку обложки «Бхагавад-Гиты». — По заключению наших экспертов, эта литература разжигает... и подрывает... и вносит смуту.

Глеб смотрел на них и чувствовал не страх, а нарастающее недоумение. Словно он попал в театр абсурда, где логика была вывернута

наизнанку. Он пытался отвечать спокойно и честно, но его слова тонули в стене враждебности и заранее готовых обвинений.

Часа через два тактика изменилась. Второй, молчаливый, подошел сзади и с силой надавил на плечи, заставляя согнуться.

— Ты будешь говорить, гнида? Кто тебя завербовал?

Удары были короткими, профессиональными. По почкам, в солнечное сплетение. Не оставляющие синяков, но выбивающие воздух и заставляющие внутренности сжиматься в тугой комок. Его заставили стоять в неудобной позе, пока не занемели ноги. Заставили приседать до полного изнеможения.

— Зачем вы это делаете? — спросил Глеб, тяжело дыша.

— Чтоб лучше вспоминал, — безразлично ответил Николай Петрович, листая его дело. — Надо же как-то простимулировать.

Самым тяжелым испытанием стал пакет. Черный, плотный, мусорный пакет, который вдруг оказался у него на голове. Резкая нехватка воздуха, паника, инстинктивный ужас. Мир сузился до шуршания полиэтилена и бешеного стука сердца. Но и здесь практика пришла на помощь. «Спокойно. Ты делал это сотни раз. Задержка на выдохе. Расслабь диафрагму. Не борись. Наблюдай». Он замедлил дыхание, растягивая каждый выдох, экономя кислород. Паника отступила, сменившись отстраненным наблюдением за реакциями собственного тела. Он чувствовал, как руки, державшие пакет, напряглись в ожидании борьбы, судорог. Но он оставался почти неподвижным.

Когда пакет сняли, он увидел на лице следователя смесь разочарования и недоумения. Он ожидал сломленного, задыхающегося человека, а видел бледного, но абсолютно спокойного мужчину, который смотрел на него без страха и ненависти, с легким, почти незаметным любопытством.

— Ты что, не дышишь совсем? — спросил молодой.

Глеб посмотрел на него ясным, не затуманенным страхом взглядом.

— Я дышу.

Они повторяли это еще несколько раз. Пугали, стращали, склоняли к сотрудничеству. Обещали «упаковать» на десять лет за госизмену или отпустить, если он подпишет бумагу о сотрудничестве и даст показания на своих «подельников» из йога-чата.

Глеб молчал или отвечал односложно, сохраняя внутреннее равновесие. Он не чувствовал к ним ненависти. Только глубокую, вселенскую печаль. Они были как слепые, пытающиеся судить о солнце по ощущению тепла на коже. Они не видели и не могли понять мир, в котором он жил.

Они снова и снова показывали ему фотографии людей, выуженные из его переписки.

— Этого знаешь? А этого? С кем из них поддерживаешь контакты?

Многих он едва помнил — случайные собеседники из тематических форумов десятилетней давности.

Глеб молчал и дышал. Он смотрел на своих мучителей и впервые в жизни видел не просто «силовиков», а уставших, несчастных людей, запертых в своей собственной тюрьме из приказов, страха и жестокости. Он не чувствовал к ним ненависти. Только глубокую, всепоглощающую жалость.

Глава 5. Шизотерик

Спустя девять часов они выдохлись. Они перепробовали всё: угрозы, «стимуляцию», уговоры, психологические ловушки. Но всё разбивалось о его непроницаемое спокойствие. Он не кричал, не плакал, не молил о пощаде. Он просто был. Присутствовал. И это его присутствие выводило их из себя больше, чем любое сопротивление.

— Ладно, — наконец сказал Николай Петрович, захлопывая папку. Он выглядел измотанным гораздо больше, чем Глеб. — Можешь идти.

Он встал, и второй сотрудник открыл дверь.

— Вещи свои заberi, — бросил следователь ему в спину. — И слушай сюда, йог. Еще раз где-нибудь всплывешь со своими проповедями — сядешь надолго. Понял?

Глеб молча кивнул.

Когда он уже был в дверях, Николай Петрович с каким-то странным, почти безгловым любопытством посмотрел на него и процедил сквозь зубы своему коллеге, но так, чтобы Глеб слышал:

— Шизотерик какой-то...

Его вывели на улицу и просто оставили на тротуаре. Была глубокая ночь. Холодный ветер пробирал до костей. Город спал под низким, чернильным небом. Глеб вдохнул полной грудью влажный ночной воздух. Воздух свободы.

Он шел по пустым улицам домой. Тело ломало, голова гудела от усталости, но внутри была звенящая пустота и ясность. Мир больше не казался прежним. Что-то безвозвратно сломалось. Иллюзия безопасности, в которой он жил, рассыпалась в прах.

Он тихо открыл дверь своим ключом. В коридоре горел ночник. Мать, услышав его шаги, выскочила из комнаты. Она ничего не спросила, просто обняла его, и он почувствовал, как дрожат ее плечи. В ее глазах он увидел весь ужас этих девяти часов ожидания.

Он ушел в свою комнату и сел на коврик. Не для асан. Просто сел. И впервые за много лет из его глаз покатились слезы. Это были слезы не боли или страха. Это были слезы по тому миру, который он потерял, и по тем людям, которые потеряли сами себя. И где-то в глубине этого отчаяния рождалось новое, незнакомое ему чувство. Не просто покой. А решимость.

ЧАСТЬ II. СЛЕДОВАТЕЛЬ

Глава 6. Место встречи изменить нельзя

Николай Петрович Фролов ненавидел запах своего кабинета. Это была сложная, многослойная вонь: кислый дух дешевого кофе, застарелый табачный дым, въевшийся в обивку казенных стульев, и едва уловимая, но самая отвратительная нота — запах чужого страха. Когда-то, тринадцать лет назад, лейтенант Коля Фролов, выпускник юридического, входил в это же самое здание с гордостью. Он шел ловить бандитов.

В его голове звучала музыка из «Места встречи изменить нельзя», а перед глазами стоял образ Глеба Жеглова — жесткого, справедливого, бескомпромиссного борца со злом. Коля тоже хотел вот так, с наганом и пронзительным взглядом, выводить на чистую воду настоящих преступников: воров, убийц, матерых рецидивистов. Он мечтал о погонях, засадах, о той самой «кропотливой, черновой работе», которая очищает город от мрази. «Вор должен сидеть в тюрьме!» — эта фраза стала для юного Коли символом веры. Он будет служить. Служить государству, которое есть воплощение порядка и закона, и очищать его от скверны.

Реальность оказалась иной. Годы учебы в академии и первые годы службы стерли романтический флёр. Оказалось, что «справедливость» — это статистика раскрываемости. «Закон» — это инструмент, гибкий и послушный в умелых руках. А «служба» — это не столько охота на волков, сколько отлов бродячих собак, мешающих проезду важных кортежей. Его амбиции, его желание быть не винтиком, а рычагом, быстро нашли применение. Он был умен, жесток ровно настолько, насколько требовалось, и, что самое главное, умел не задавать лишних вопросов.

Погони и засады случались в основном на бумаге, в отчетах для начальства. Настоящие бандиты давно стали «уважаемыми бизнесменами» или сидели так высоко, что добраться до них было

невозможно. А его отдел, отдел по борьбе с экстремизмом, все больше превращался в фабрику по производству дел из воздуха.

Так Николай Петрович стал специалистом узкого профиля. «Санитаром», как он себя иногда называл в редкие моменты нетрезвой откровенности. Он не расследовал убийства и не ловил грабителей. Его сферой были те, кого система назначала «угрозой». Сектанты, активисты, слишком громкие журналисты, а теперь вот — «распространители нежелательной информации». Его работа заключалась в том, чтобы превратить папку с оперативной справкой в чистосердечное признание и обвинительное заключение. Он был мастером «бесед». Механиком человеческих душ, который точно знал, где подтянуть, а где ударить, чтобы механизм сломался и выдал нужный результат. Он занимался грязной работой. И старался об этом не думать.

Он делал это для государства. А государство — это порядок. А порядок — это безопасность. А безопасность — это его семья. Эта логическая цепочка, которую он выстроил в своей голове много лет назад, была его главной защитной мантрой.

«Экстремизм» — какое удобное, резиновое слово. Под него можно было подвести что угодно.

Сначала были Свидетели Иеговы. Старушки, собиравшиеся в квартирах пить чай и читать свои брошюры. Николай помнил их глаза — испуганные, но упрямые. Они плакали во время допросов, молились, но не отрекались от своей веры. Он ломал их. Выбивал показания, угрожал тюрьмой для их детей, фабриковал доказательства. Он получал за это звездочки на погоны и премии. А по ночам его мучило от самого себя.

Потом пошли блогеры, активисты, просто люди, неосторожно поставившие «лайк» не под тем постом. Работа превратилась в конвейер. Найти, надавить, заставить подписать. Он научился быть жестоким. Научился отключать ту часть себя, которая когда-то мечтала о справедливости. Он стал функцией, винтиком в огромной машине, перемалывающей человеческие судьбы.

Единственным, что удерживало его от полного распада, была Машенька. Его дочь. Десятилетнее солнце с веснушками на носу и смехом, похожим на звон колокольчиков. Ради нее он все это терпел. Ради того, чтобы у нее было все: хорошая школа, кружки, поездки на море. Ради нее он каждый день надевал маску безразличного следователя и шел на свою грязную работу.

Жена, Лена, давно стала чужим человеком. Их брак превратился в холодную войну, где редкие перемирия были лишь передышкой перед новой ссорой. Она презирала его за «ментовскую» работу, за маленькую зарплату, за вечный запах табачного дыма и усталости. Он презирал ее за несбывшиеся ожидания и вечные упреки. Они жили вместе, как соседи, объединенные только общей дочерью и ипотекой.

Машенька была его единственным светом. Когда он приходил домой, и она бросалась ему на шею с криком «Папочка!», лед в его душе на мгновение таял. Он видел в ее глазах безграничное обожание, и это было невыносимо и сладко одновременно. Он был ее героем, ее защитником. И он готов был пойти на все, чтобы она никогда не узнала, чем на самом деле занимается ее «герой».

Глава 7. Девять часов пустоты

День начался как обычно. С холодной постели и шипения Лены с кухни.

— Николай, кран в ванной опять капает! Ты можешь хоть что-то сделать в этом доме, кроме как молча есть и уходить?!

Он молча допил остывший кофе, поцеловал сонную Машу в макушку и вышел за дверь. Осточертело. Все осточертело. Дорога до серого здания управления, пропускной пункт, длинные гулкие коридоры. Работа, от которой першило в горле.

На его столе уже лежала тонкая папка с лаконичной надписью. ДЕЛО № 281-Э. Он открыл.

Объект: Глеб Игоревич *****, 1988 г.р.

Род деятельности: слесарь механосборочных работ 5-го разряда, завод «Красный Металлист».

Квалификация: ст. 284.3 УК РФ (Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности).

Фабула: В ходе ОРМ установлено, что гражданин Глеб Игоревич, являясь приверженцем деструктивного религиозно-философского учения «Йога», осуществляет распространение в сети «Интернет» и среди коллег по месту работы материалов (лекции, книги, видео), признанных нежелательными... Цель — подрыв традиционных духовно-нравственных ценностей...

Николай усмехнулся. Слесарь-йог. Звучало как начало анекдота. Он привык к другим «клиентам»: озлобленным политическим активистам, фанатичным сектантам, проплаченным писакам. Тех он понимал. У них была цель, ненависть, идеология. А здесь что? Слесарь, который в свободное от закручивания гаек время закручивал мозги коллегам индийской философией?

Он пролистал дальше. Распечатки из какого-то чата. Ссылки на лекции бородатых индусов. Фотография обложки книги с синим человечком на колеснице. «Бхагавад-Гита». Экспертное заключение на три страницы убористым текстом доказывало, что эта книга «формирует предпосылки к отчуждению от государственных и социальных институтов».

— Бред какой-то, — пробормотал Николай. Но работа есть работа. План по «экстремизму» горел. И слесарь-йог подходил для закрытия показателя идеально. Не связан с серьезными людьми, не имеет денег на адвокатов. Тихий, безобидный. Такие ломаются быстро, — с профессиональным цинизмом подумал Николай. — Пара часов, и

подпишет все, что нужно. Расскажет и про кураторов из ЦРУ, и про планы по свержению строя с помощью асан.

Он нажал кнопку селектора. — Пригласите ко мне лейтенанта Фролова. И доставьте объект по адресу. Пора начинать «беседу».

Глеб Игоревич, слесарь пятого разряда, не был похож на предыдущих «клиентов». В нем не было ни заискивающего страха, ни показной бравады. Он вошел в кабинет спокойно, сел на стул и посмотрел на Николая так, будто они встретились в очереди за хлебом. Этот взгляд — прямой, ясный, без тени подобострастия — сразу насторожил следователя.

— Ну что, Глеб Игоревич. Рассказывайте. На кого работаем? МИ-6? Моссад? Или ваши кураторы предпочитают экзотику вроде йоги? — начал Николай со своей стандартной, отработанной фразы.

— Я работаю на заводе. Слесарем пятого разряда, — ровным голосом ответил тот.

Николай внутренне усмехнулся. Все они так начинают. Косят под дурачков. Он начал методично, по накатанной, давить. Распечатки переписок, фамилии, никнеймы, угрозы, игра в «хорошего и плохого полицейского». Но все было тщетно. Подозреваемый не повышал голоса, не нервничал, не путался в показаниях. Он отвечал просто и логично, и эта логика бесила. Она не вписывалась в заранее подготовленный протокол обвинения.

Когда слова закончились, пришло время «стимуляции». Вошли ребята. Николай отвернулся к окну, которого не было, и стал изучать трещину на стене. Он ненавидел этот момент, но знал, что это необходимая часть процесса. Обычно хватало пары приседаний и одного хорошего удара, чтобы человек «вспомнил» все, что от него требовалось. Но не в этот раз. Слесарь тяжело дышал, но молчал.

Кульминацией должен был стать пакет. Старый, проверенный метод. Универсальный ключ к любой душе. Когда человек задыхается, его животный страх смерти сметает все принципы и убеждения. Николай лично натянул черный полиэтилен на голову Глеба.

Пока руки слесаря инстинктивно дернулись к горлу, а тело напряглось, мысли Николая сделали странный пируэт. Он вдруг отчетливо вспомнил, что обещал Машеньке купить новые мармеладные конфеты, те самые, в виде динозавров, которые завезли в магазин у дома. Надо не забыть. Зайти после работы. Он даже почувствовал их приторно-фруктовый запах.

Он ждал. Ждал судорог, хрипов, отчаянной борьбы за глоток воздуха. Но ничего этого не было. Под его руками тело слесаря, поборов первую панику, вдруг... расслабилось. Это было невероятно. Человек под пакетом не боролся за жизнь. Он словно принял ситуацию и просто находился в ней. Николая прошиб холодный пот. Он сам сорвал пакет раньше, чем планировал.

Глеб жадно, но как-то удивительно спокойно вдохнул. Его грудь не вздымалась судорожно. Он просто дышал. И посмотрел на Николая. В его взгляде не было ни ненависти, ни страха. Там было что-то другое, что-то, чего Николай не мог понять. Какое-то... сочувствие? Жалость? Это было невыносимо. Словно не он, следовательно при исполнении, был хозяином положения, а этот замученный слесарь.

В этот момент в Николае что-то сломалось. Вся его система, весь его отработанный механизм дал сбой. Он, следовательно, профессионал, должен был быть хозяином положения. А он смотрел на этого слесаря, как дикарь на работающий телевизор. Он не понимал, что происходит.

— Ты... ты чего не дышишь, сволочь?! — вдруг заорал он, сам не узнавая своего голоса. Профессиональный цинизм слетел, обнажив голую, животную ярость. Ярость от собственного бессилия.

— Я дышу, — тихо ответил Глеб.

И в этом тихом ответе было больше силы, чем во всех ударах и угрозах Николая. Девять часов он пытался сломать этого человека. А в итоге сломался сам. Он был разбит, унижен, опустошен. А его «клиент», избитый и измученный, сидел напротив, прямой, как струна, и смотрел на него взглядом, в котором не было ничего, кроме спокойствия.

— Пошел вон, — выдохнул Николай, отмахиваясь рукой.

Он больше не мог выносить этот взгляд.

— Шизотерик какой-то... — процедил он своему коллеге, когда спустя девять часов они, вымотанные и злые, наконец вышвырнули упрянца за дверь.

Слово вырвалось само собой, как защитная реакция. Нужно было хоть как-то объяснить, назвать то, что не укладывалось в голове, вписать его в привычную картину мира. Но в глубине души Николай понимал: дело не в шизофрении. Дело в чем-то другом. В чем-то, с чем он еще никогда не сталкивался. И это что-то пугало его гораздо сильнее, чем любой бандит с ножом.

Глава 8. Трещина

Николай вел машину по ночному городу. Руки на руле слегка дрожали. Внутри была выжженная пустыня. Адреналин схлынул, оставив после себя гулкую пустоту и тошноту. Радости от «успешно проведенной беседы» не было. Было только ощущение тотального, оглушительного поражения.

Он заехал в круглосуточный и купил те самые мармеладные динозавры. Механически протянул деньги, механически забрал сдачу. В голове была гулкая, звенящая пустота.

Дома его встретила тишина и запах жареной рыбы. Лена, бросив на него холодный взгляд, молча ушла в спальню. Из детской выбежала заспанная Машенька.

— Папочка! — она вцепилась ему в ногу. — Ты пришел!

Он поднял ее на руки. Она была теплой и пахла детством. Он уткнулся лицом в ее светлые волосы, пытаясь вдохнуть ее запах, ее любовь, чтобы вытеснить из себя вонь кабинета и липкий холод сегодняшнего дня.

— А я тебе принес, — он достал из кармана пакетик с конфетами.

Машенька радостно взвизгнула. Ее счастье было таким чистым, таким абсолютным. Но сегодня оно не принесло Николаю облегчения. Он смотрел на свою смеющуюся дочь, и между ним и ею словно стояла невидимая стеклянная стена. Он был здесь, но его не было.

Уложив дочь, он пошел на кухню. Налил себе стакан сока, чтоб освежиться, выпил залпом. Не помогло. Он сел у окна и закурил.

Почему? Почему он не сломался?

Этот вопрос бился в его мозгу, как пойманная птица. Он вспоминал других. Испуганных старушек-иеговисток, рыдающих студентов, униженных бизнесменов. Все они ломались. Кто-то раньше, кто-то позже. Их ломал страх. Страх за себя, за детей, за будущее. Страх был его главным инструментом, его отмычкой. А этот... этот слесарь, казалось, был его лишен.

Но как это возможно? Не бояться боли? Не бояться смерти?

Он смотрел на них... на нас... с жалостью. Будто мы — больные, а он — здоровый.

Он лег в постель, но сон не шел. Перед глазами стояло спокойное лицо слесаря. И в голове, как заевшая пластинка, крутились вопросы. Один страшнее другого.

Почему он был таким спокойным?

Этот вопрос был самым простым. Но за ним потянулась целая цепь.

Неужели эта... йога... действительно работает? Неужели она может дать человеку такую силу?

Если да, то... почему она — угроза? Что опасного в человеке, который может контролировать свой страх и свою боль? Разве государство не должно состоять из таких людей?

И тут из глубин памяти, из тех ее пыльных углов, куда он запрещал себе заглядывать, всплыл другой образ. Несколько лет назад. Дело о «Свидетелях Иеговы». Муж и жена, пожилая пара. Они так же спокойно смотрели на него. И когда их уводили, они тихо пели свои псалмы. Тогда он списал это на фанатизм, на промытые мозги. А что если... что если и

они не были виновны? Что если он просто сломал жизнь двум старикам, чья единственная вина была в том, что они верили в своего Бога не так, как предписано?

Он сел на кровати, обхватив голову руками. Стены его уютной, выстроенной логической цепочки («служба-порядок-безопасность-семья») затрещали. Трещина, появившаяся в кабинете для допросов, расползалась, грозя обрушить все здание.

Если слесарь-йог не враг... Если старики-сектанты не враги... То кто тогда враг?

И самый последний, самый страшный вопрос, который Николай боялся задать себе вслух:

А кто тогда я?

Он задумался. В сером здании управления он был тем, кто боролся с опасностями и предупреждал угрозы. А сейчас, в тишине собственной спальни, с тревогой понял: возможно, все это время он сам был частью проблемы, с которой пытался справиться. Тот, кто должен был защищать людей, стал причиной их страха и страданий. И от этого знания не было спасения.

В сознании Николая что-то щелкнуло. Он вдруг понял. Они, система, государство — вся их сила держалась на одном-единственном фундаменте: на способности внушать страх. Управлять можно только теми, кто боится. Боится потерять работу, свободу, жизнь.

А если человек не боится?

Эта мысль была ослепительной и страшной, как вспышка молнии. Если найдется способ, учение, практика — неважно, как это назвать, — которая может научить человека не бояться, то такой человек становится неуправляемым. Он становится опаснее любого шпиона, любого террориста. Он подрывает саму основу власти.

Йога. Какое дурацкое слово. Гимнастика, асаны, дыхание. Он всегда считал это безобидной чушью для скучающих интеллигентов. Но сегодня он увидел ее другую сторону. Сторону, которая делала простого слесаря сильнее целого отдела по борьбе с экстремизмом.

Николай докурил сигарету и посмотрел в темное окно, на свое отражение. На него смотрел уставший, сорокалетний мужик с пустыми глазами. Тот мальчик, который мечтал стать Жегловым, давно умер. А тот, кто остался, сегодня впервые за много лет задал себе вопрос: а на той ли я стороне?

Трещина, появившаяся в его душе сегодня, прошла через самое ее основание. И он чувствовал, что это только начало.

ЧАСТЬ III. ПЕРЕВОРОТ

Глава 9. Осколки в зеркале

Сон больше не приходил. Вместо него были обрывки девятичасового допроса, вспыхивавшие в темноте, как короткое замыкание. Спокойный, ясный взгляд слесаря. Звук его ровного дыхания под пакетом. Собственный сорванный, чужой голос: «Ты... ты чего не дышишь, сволочь?!». А в ответ — тихое, убийственное: «Я дышу».

Николай лежал на своей половине холодной супружеской постели и смотрел в потолок. Он дышал. А Николай — задыхался.

Дни превратились в вязкую, серую массу. Запах кабинета, который он ненавидел и раньше, теперь стал физически невыносимым. Кислый кофе, табачный дым и въевшийся в стены страх — все это вызывало приступы тошноты. Он смотрел на лица коллег, на их дежурные шутки, на рутинную жестокость, которую они называли работой, и видел не людей, а манекены, заведенные пружиной приказа.

То, что раньше воспринималось как просто работа, теперь вызывало протест и ощущение негодования. Что-то в нём оборвалось, и он уже не мог притворяться, будто всё в порядке.

Каждая новая папка на его столе была приговором. Не «клиенту», а ему самому. Новые «экстремисты» — учительница, собравшая подписи против сноса парка, студент, перепостивший мем про чиновника, пенсионер, вышедший в одиночный пикет с плакатом «Миру-мир». Он смотрел на их фотографии и видел Глеба. В каждом из них.

Жеглов умер. Остался только Промокашка, по ошибке надевший милицмейскую форму.

Самым страшным было возвращаться домой. Машенька, его свет, его оправдание, теперь смотрела на него иначе. Или это он смотрел на себя ее глазами? Он приносил ей конфеты, читал на ночь сказки, но чувствовал между ними стеклянную стену. Когда он обнимал ее, он боялся испачкать

ее своей грязью. Любовь дочери из спасения превратилась в пытку, в вечное напоминание о том, кем он не стал. Кем он не имел права быть.

Однажды вечером, укладывая ее спать, он поймал ее пристальный, серьезный взгляд.

— Пап, а ты хороший?

Вопрос, простой и детский, пробил его насквозь. Он что-то пролепетал в ответ, что-то про то, что он ее любит и старается быть хорошим. Но ложь была так очевидна, что ее, казалось, можно было потрогать руками. Он вышел на кухню, налил водки. Лена, сидевшая за столом, с презрением посмотрела на него.

— Заливаешь свою совесть? Не утонет, Коля. Она у тебя уже давно плавать научилась.

Он не ответил. Пить не стал, вылил водку в раковину.

Николай подошел к окну и посмотрел на свое отражение. На него смотрел сломленный, опустошенный человек. Трещина, появившаяся в его душе в день допроса, расползлась, и он рассыпался на осколки. И в каждом осколке отражался один и тот же немой вопрос: «А кто тогда я?»

Глава 10. Папка № 281-Э

Решение созрело не в голове. Оно родилось в животе, в солнечном сплетении — там, где поселился ледяной ком тошноты.

Он должен был его увидеть. Не для того, чтобы «завербовать» или «продолжить беседу». А для того, чтобы посмотреть в глаза человеку, который, сам того не зная, показал ему его собственное уродливое отражение. Чтобы спросить, как. Как он это делает? Как он остается человеком, когда все вокруг расчеловечивает?

Это было безумие. Самоубийство. Он, следовательно по особо важным делам, ищет неофициального контакта с бывшим «объектом разработки». Если об этом узнают — это конец. Не просто карьере. В лучшем случае —

увольнение с «волчьим билетом». В худшем — он сам окажется в таком же кабинете, только на другом стуле. И пакет на его голову будет натягивать кто-то из его вчерашних коллег, с такой же скукой на лице. Он знал систему изнутри. Она не прощала предательства.

Но страх перед системой оказался слабее, чем страх перед самим собой. Продолжать так жить было невыносимо.

Он остался на работе допоздна. Дождлся, когда гулкие коридоры опустеют. Сердце колотилось где-то в горле. Под предлогом проверки старых материалов он спустился в архив. Пыльное, тихое царство мертвых дел и сломанных судеб.

Найти нужный стеллаж было просто. Руки, чуть дрожа, потянулись к тонкой картонной папке. ДЕЛО № 281-Э. Он открыл ее. Знакомая фотография. Спокойное, интеллигентное лицо слесаря. Николай смотрел на него, и ему казалось, что Глеб смотрит прямо на него с фотографии, и в его взгляде все то же тихое, необъяснимое сочувствие.

Он быстро пролистал до конца, до анкетных данных. Адрес. Телефона не было — старенький смартфон и ноутбук были изъяты как вещдоки и теперь, скорее всего, пылились на складе. Значит, только вживую.

Рука с ручкой дрожала так, что он едва мог писать. На вырванном из блокнота листке он коряво нацарапал адрес. Улица, дом, квартира. Адрес человека, которого он пытал. Он сунул бумажку глубоко в карман джинсов, вернул папку на место и вышел из архива, чувствуя себя одновременно и преступником, и человеком, сделавшим первый шаг к исцелению.

Глава 11. Встреча на краю

Обычный панельный дом на окраине города. Двор с детской площадкой и сохнувшим на веревках бельем. Николай несколько раз обошел дом кругом. Он чувствовал себя чужим, грязным пятном в этом простом, понятном мире. Каждый прохожий казался ему агентом наружки,

каждая машина — экипажем, приехавшим за ним. Паранойя была профессиональной болезнью.

Он стоял у подъезда минут десять, не решаясь войти. В голове билась одна мысль: «Развернись и уходи. Забудь. У тебя дочь». Но образ спокойного взгляда Глеба был сильнее. Он толкнул дверь и вошел в полутемный подъезд, пахнувший кошками и борщом.

Нужный этаж. Старая деревянная дверь, обитая коричневым дерматином. Он поднял руку, чтобы нажать на кнопку звонка, и замер. Что он скажет? «Здравствуйте, я тот, кто надевал на вас пакет, я пришел поговорить»?

Он все-таки нажал. За дверью послышались шаги. Щелкнул замок. Дверь открыл сам Глеб.

На секунду в его глазах мелькнуло узнавание, а за ним — тень страха, мгновенно сменившаяся настороженностью. Он не захлопнул дверь, не закричал. Он просто смотрел, и его тело напряглось, как сжатая пружина.

— Что вам нужно? — голос был ровным, но холодным как сталь.

Николай открыл рот, но слова застряли в горле. Он просто стоял, огромный, нелепый, в своем дорогом пальто, на пороге этой скромной квартиры, и не мог вымолвить ни слова.

— Хотите «простимулировать» меня в домашней обстановке? — в голосе Глеба появилась горькая ирония.

— Нет... — наконец выдавил из себя Николай. — Я... мне нужно поговорить.

Глеб молча изучал его. Он видел перед собой не властного следователя, а загнанного, мечущегося человека с мукой в глазах. Эта перемена была настолько разительной, что перевесила и страх, и ненависть.

— Заходите, — коротко бросил он и отошел в сторону, пропуская его в тесную прихожую.

Они прошли на кухню. Маленькая, чистая, с геранью на подоконнике. Глеб молча поставил чайник. Николай сел на табуретку, чувствуя себя слоном в посудной лавке. Молчание было густым и тяжелым.

— Я пришел... — начал Николай, и его голос сорвался. Он прокашлялся. — Я пришел, чтобы...

Он поднял глаза на Глеба.

— Прости меня.

Эти два слова дались ему с невероятным трудом. Он вырвал их из себя вместе с остатками гордости, цинизма и всего того, чем он жил последние годы. Он смотрел на Глеба, готовый к любой реакции: к крику, к удару, к тому, что его просто вышвырнут за дверь.

Глеб смотрел на него долго. В его взгляде не было злорадства или презрения. Была тяжелая, глубокая задумчивость. Он видел перед собой не своего мучителя. Он видел человека на краю пропасти, который пришел к нему не за прощением, а за спасением. И в этот момент его собственная боль и обида отступили на второй план. Практика сострадания, о которой он столько читал, перестала быть теорией.

— Я не держу зла, — тихо сказал Глеб. И это была правда. — Садитесь. Чайник закипел.

Глава 12. Начало

Они пили чай в тишине. Напряжение медленно спадало, уступая место странному, почти невозможному доверию. Николай, запинаясь и путаясь, начал говорить. Он говорил о Жеглове, о своих юношеских мечтах, о том, как система перемолола его. О дочке. О том невыносимом разрыве между любовью к ней и ненавистью к себе. Он говорил не как следователь, а как пациент на приеме у врача, вываливая всю свою боль и грязь.

Глеб слушал, не перебивая. Он не давал советов и не читал проповедей. Он просто слушал. И это молчаливое, полное принятие было для Николая целительнее любых слов.

— Я думал, я служу закону, защищаю страну... — закончил Николай, уронив голову на руки. — А на самом деле... я просто инструмент. Моими руками ломают нормальных, порядочных людей. Таких, как ты. Старух-иеговисток. Почему? Зачем? Кто объявляет вас врагами?

Глеб помешал ложечкой чай, которого уже не было в чашке.

— Потому что вы боретесь со страхом с помощью другого страха. А мы — ищем способ от него освободиться. Человек без страха — неуправляем. А неуправляемый человек для системы — самый страшный враг.

Николай поднял голову. В его глазах что-то изменилось. Мука уступила место холодной, трезвой ярости.

— Я хочу знать, кто стоит за этим. Не пешки, как я. А те, кто пишет правила. Те, кто решает, кого назначить «раковой опухолью» сегодня. Те, кто превратил мою страну в театр абсурда, а меня — в палача.

Он посмотрел на Глеба. Взгляд следователя вернулся, но теперь он был направлен не на «объекта», а на невидимого врага.

— Я знаю, как работает система. Я могу копать. Но я слеп. Я не понимаю, где искать. Ты... ты видишь этот мир иначе. Ты можешь помочь мне понять, что происходит на самом деле.

Глеб посмотрел на этого сломленного, но пробудившегося человека. Их встреча, начавшаяся как столкновение жертвы и палача, превращалась в нечто иное. В рождение союза. Невероятного, опасного, но единственно возможного.

— Хорошо, — сказал Глеб после долгой паузы. — Мы попробуем. Вместе.

Они пожали друг другу руки над столом с остывшими чашками. Крепкое, мужское рукопожатие. Рука следователя и рука слесаря. Это было начало их собственной войны. Войны за право оставаться людьми.

ЧАСТЬ IV. РАССЛЕДОВАНИЕ

Глава 13. Школа Конспирации

Они встретились на третий день после разговора на кухне. Не в квартире Глеба, не в машине Николая. Местом встречи стала заброшенная автобусная остановка на старой, выведенной из эксплуатации трассе в двадцати километрах от города. Николай приехал первым. Он сидел в своей машине, припаркованной в сотне метров, и наблюдал за дорогой в бинокль. Профессиональная привычка, въевшаяся в подкорку. Когда появился Глеб, вышедший из рейсового автобуса на основной трассе и шедший пешком последний километр, Николай подождал еще пять минут. Убедившись, что за слесарем нет «хвоста», он подъехал.

Глеб сел в машину. От него пахло осенним лесом и спокойствием. Николай, наоборот, был натянут, как струна.

— Первое правило, — начал он без предисловий, протягивая Глебу два кнопочных телефона в заводской упаковке. — Никаких смартфонов. Никаких «левых» симок, купленных у вокзала. Это все отслеживается в два счета. Эти аппараты чистые, сим-карты зарегистрированы на бомжа из Саратова, который умер два года назад. Используем их только для связи друг с другом. Один звонок — одна встреча. После каждого разговора — батарею долой. Понял?

Глеб кивнул, разглядывая примитивный аппарат.

— В этом тоже есть своя дхарма, — тихо произнес он. — Искусство не оставлять следов. Не только в мире, но и в уме.

Николай посмотрел на него с недоумением.

— Какая еще дхарма? Это элементарная безопасность. Второе правило. Никаких разговоров дома, на работе, в машине. Только на открытом воздухе, в движении, или в «чистом» помещении. Мою машину пока можно считать условно чистой. Твою квартиру — нет. После их визита там наверняка остались «глаза» и «уши». Так что дома молчишь.

Даже с родителями. Особенно с родителями. Они — твое самое уязвимое место.

Николай говорил сухо, отрывисто, как на инструктаже. Он вываливал на Глеба основы своей уродливой профессии: как распознать наружное наблюдение, как проверять помещения на «жучки», как вести себя на допросе, если их все-таки возьмут. Он учил Глеба миру, в котором жил сам, — миру тотального недоверия, где каждое слово может стать уликой, а каждый встречный — врагом.

Глеб слушал внимательно, не перебивая. Для него это была не просто инструкция по выживанию. Он видел, как через эти циничные, жестокие правила проступает искаленная душа Николая. Он видел человека, который провел всю жизнь в темном подвале и теперь учил другого ориентироваться в этой темноте на ощупь.

— Я понимаю, — сказал Глеб, когда Николай закончил. — Тело должно быть защищено, чтобы ум мог спокойно работать. Это как асана. Правильная внешняя форма для правильного внутреннего содержания.

— Асана... — Николай горько усмехнулся. — Ладно. Назовем это так. Теперь к делу. Нам нужен план. И информация. Я — слепой крот. Я умею рыть, но не знаю, в каком направлении. Ты должен стать моими глазами.

— Я не вижу больше, чем ты, Николай. Просто я смотрю под другим углом. Ты ищешь преступников. А я ищу причину страдания. И мне кажется, в нашем случае это одно и то же.

— Хорошо, философ, — Николай чуть смягчился. — Тогда первый вопрос нашему тандему «слесаря и философа». С чего мы начнем ломать эту машину?

Глеб посмотрел в окно, на убегающую под колеса серую ленту асфальта. Любой процесс начинается с чьего-то замысла, с идеи. С того, кто всё это придумывает, строит план, прокладывает путь. Мы должны найти идеолога. Того, кто объявил войну не людям, а образу мыслей. Того, кто так сильно боится внутренней свободы, что готов уничтожать любого, кто к ней стремится. И я думаю, у меня есть имя.

— Дворкин, — одновременно с ним произнес Николай.

Они посмотрели друг на друга. Впервые с момента встречи на их лицах появилось что-то похожее на улыбку. Улыбку заговорщиков. Расследование началось.

Глава 14. Цифровой след зверя

Их штабом стала старая, полузаброшенная дача родителей Глеба. Маленький домик, затерянный в дачном кооперативе, где зимой почти никто не жил. Печное отопление, колодец во дворе, электричество. И, самое главное, — никакой связи, кроме той, которую они принесли с собой. На столе, между банками с солеными огурцами и стопкой старых журналов «Наука и жизнь», лежал ноутбук. Не тот, что изъяли у Глеба, а специально купленный Николаем с рук, с полностью отформатированным диском и установленной анонимной операционной системой.

Два дня они, как одержимые, просеивали интернет. Николай, используя свои профессиональные навыки, обходил блокировки и копался в кэшах удаленных страниц. Глеб, со своей способностью к концентрации, часами вчитывался в тонны текста, отделяя зерна от плевел. Они искали все, что было связано с именем Александра Леонидовича Дворкина.

Сначала на поверхность всплыл толстый слой официальной информации. Президент РАЦИРС, профессор, эксперт, борец с сектами, защитник традиционных ценностей. Десятки интервью, статей, выступлений. Благообразный, уверенный в себе человек с умными глазами и тихим, вкрадчивым голосом. Голосом, который убеждал, клеймил и выносил приговоры.

А потом они начали находить то, что искали. Высказывания о йоге.

Николай открыл одну из ссылок. Статья на сайте какой-то епархии. Он начал читать вслух, и его голос звучал в холодной тишине дачного домика чужеродно и страшно.

— «Йога — это искусство смерти. Сначала человек приучает тело к бесстрастию, это начальный этап, потом приучает душу к полному равнодушию, и потом он отключается от всего, чтобы уйти в небытие».

Глеб молчал, глядя в темное окно. Он не был удивлен. Он словно слушал диагноз, который давно поставил сам.

Николай открыл другую ссылку.

— «Когда говорят, что йога — это набор упражнений, полезных для здоровья, то надо понимать, что для здоровья полезна лечебная гимнастика... А весь набор йогических упражнений он не для этого, не для здоровья. Более того, как говорят многие врачи, человеку не полезно так растягивать суставы, не полезно так изгибаться».

— Он даже не понимает, о чем говорит, — тихо сказал Глеб. — Он судит о океане по грязной луже у берега. Он описывает не йогу, а свой собственный страх перед ней.

Николай сжал кулаки. Его бил озноб, но не от холода. Он начинал видеть механизм. Он видел, как эти слова, сказанные «авторитетным экспертом», ложатся на бумагу «религиоведческой экспертизы». Как эта экспертиза становится основанием для возбуждения дела. Как это дело попадает на стол к нему, Николаю Фролову. И как он, выполняя приказ, идет и ломает жизнь человеку, который просто «неправильно изгибался».

Они нашли и самое одиозное высказывание. То, которое казалось бредом сумасшедшего, но которое тоже было частью этой системы.

— «Позы йоги, вызывающие неконтролируемое сексуальное возбуждение, приведут к гомосексуальным связям в российских тюрьмах, а это, в свою очередь, может вызвать голодные бунты за решеткой».

— Бред, — прошептал Николай. — Клинический бред.

— Нет, — покачал головой Глеб. — Это не бред. Это проекция. Он говорит о себе. О своих собственных неконтролируемых желаниях и страхах. Он населяет мир своими же демонами, а потом объявляет им войну. Йога, гомосексуализм, бунты... Для него это просто синонимы хаоса, который он не может обуздать внутри себя.

Они сидели в тишине. За окном выла метель. Механизм, который они искали, начал проступать из тумана. И в его центре стояла фигура этого человека, одержимого борьбой с ветряными мельницами, которые существовали только в его собственном воспаленном сознании.

— Хорошо, — нарушил молчание Николай. — С йогами понятно. Он их ненавидит. Это его личная вендетта. Но этого мало, чтобы подмять под себя систему. Должно быть что-то еще. Что-то более системное.

Он задумался, вглядываясь в пламя свечи на столе. И вдруг его лицо изменилось. — Свидетели Иеговы... — прошептал он. — Я помню их. Старики, женщины... Они смотрели на меня так же, как ты. Спокойно. И не ломались. Я тогда списал это на фанатизм. А что, если...

Он резко встал. — Мне нужно в город. Мне нужен доступ к базе.

Глава 15. Призраки прошлого

Николай вернулся через сутки. Усталый, с темными кругами под глазами, но с горящим лихорадочным блеском взглядом. Он бросил на стол толстую пачку распечаток.

— Я был прав, — выдохнул он. — Я все поднял. Все дела по «Свидетелям» за последние десять лет. С самого начала.

Он вошел в служебную базу данных из интернет-кафе на другом конце города через цепочку прокси-серверов. Это был огромный риск, но он должен был проверить свою догадку.

— Все начинается одинаково, — он начал раскладывать листы на столе, как пасьянс. — Вот, смотри. 2015 год. Проверка местной религиозной организации в Белгороде. Основание? «Обращение граждан». А вот приложение к нему — «Экспертное заключение» за подписью... кого бы ты думал? Нашего профессора. Вот еще. 2016 год, Таганрог. Та же схема. Жалоба от «православной общественности», к ней подшито заключение от РАЦИРС. И везде одни и те же формулировки:

«тоталитарная секта», «контроль сознания», «разрушение семей», «антигосударственная деятельность».

Он говорил быстро, возбужденно. Для Глеба это были просто бумаги. Для Николая — карта его собственного падения. Он видел, как эта паутина плелась годами.

— А вот, — он ткнул пальцем в один из документов, — кульминация. 2017 год. Иск Министерства юстиции в Верховный суд о признании «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией. А на чем основан иск? На совокупности вот этих региональных дел. И на итоговой, комплексной экспертизе. А кто у нас председатель Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте?

Николай поднял глаза на Глеба. В его взгляде была ярость и отвращение к самому себе.

— Я понял, Глеб. Я наконец-то понял. Мы не охотники. Мы — цепные псы. Нам просто кидают кость. Вот этот человек, Дворкин, создает «научную» базу. Он пишет эти экспертизы, выступает в СМИ, формирует общественное мнение. Он создает образ врага. А потом приносит эту папку в нужные кабинеты. И система, как тупая, послушная машина, начинает работать. Начинаются проверки, обыски, дела. А такие, как я, идут и выполняют грязную работу. Мы думаем, что защищаем государство, а на самом деле просто исполняем заказ одного маньяка.

Он сел на стул и обхватил голову руками. Озарение было ослепительным и страшным. Вся его карьера, все его «особо важные дела», все сломанные им судьбы — все это было не служением закону, а служением больной воле одного человека.

Глеб подошел и положил руку ему на плечо.

— Теперь ты это видишь. Это главное. Большинство так и проживают всю жизнь во сне, не понимая, чью волю они исполняют. Твоя карма привела тебя к этой точке. К точке пробуждения. Это больно. Но только через эту боль можно увидеть правду.

— Правду? — Николай поднял на него тяжелый взгляд. — Правда в том, что я — марионетка. Что все наше управление, все ФСБ, вся эта огромная машина по защите государства — лишь дубинка в руках сумасшедшего профессора? Как это возможно?

— Он не просто сумасшедший, — задумчиво произнес Глеб, глядя на бумаги. — Он — гениальный конструктор. Он нашел уязвимость системы. Он понял, что ей для работы нужен враг. И он стал фабрикой по производству этих врагов. Он дает системе то, чего она жаждет. И взамен получает власть. Власть решать, кто сегодня будет еретиком.

Николай взял со стола новую пачку бумаг. — Это еще не все. Это аналитический отчет, который я скачал из закрытого раздела. Наши аналитики его готовили, но делу ход не дали. Слишком... неоднозначный. Давай посмотрим, что они нарыли на нашего Конструктора.

Глава 16. Путь ненависти

Аналитический отчет был сухим и формальным, но от этого не менее тревожным. Он напоминал детальный разбор дела, в котором скрупулёзно анализировалось целое идеологическое движение.

— «Современный российский антикультизм представляет собой идеологическое движение, направленное на дискредитацию и подавление религиозных и духовных течений, не вписывающихся в рамки традиционных конфессий, в первую очередь — православия», — начал читать Николай.

Он читал, а Глеб слушал, и перед их мысленным взором вставала уродливая, но до жути логичная картина. Они увидели, как в начале 90-х, на руинах советской идеологии, в вакуум хлынули новые течения и концепции. И как на эту «угрозу» отреагировали старые институты.

— Вот его методы, — Николай указал на таблицу в отчете. — Все, как по учебнику.

Первое — **информационная война**. Создание и распространение через СМИ и интернет негативного контента: разоблачительных статей, интервью, документальных фильмов. Цель проста — сформировать у общества устойчивое негативное мнение.

Второе — использование формального статуса «экспертов» для подготовки заключений. **Религиоведческая экспертиза**, которая легитимирует преследование. Эти заключения часто используются в судах как основание для запрета организаций.

Третье — **лоббирование в органах власти**. Взаимодействие с государственными структурами: Минюстом, правоохранительными органами. Инициирование проверок, судебных исков и уголовных дел.

И четвертое — **публичная демонизация**. Организация лекций, конференций и выступлений, где лидеры движения в агрессивной манере клеймят неудобные группы, используя эмоционально заряженную лексику.

— Я был на таких лекциях, — тихо сказал Глеб. — Еще в институте. Он приезжал в наш город. Я помню эту атмосферу. Зал, полный испуганных родителей, и он, на сцене, как инквизитор. Он не объяснял. Он запугивал. Он смаковал подробности мнимых ритуалов, говорил о самоубийствах, о разрушенных семьях. Люди выходили из зала с горящими от ужаса и ненависти глазами. Он сеял страх. И этот страх давал ему власть над ними.

Николай перелистнул страницу.

— А вот и рычаги. Его связи. «Ключевая должность Дворкина — председатель Экспертного совета при Минюсте РФ. Это позволяет ему напрямую влиять на решения о регистрации, проверке и ликвидации религиозных организаций». А вот вишенка на торте. «Бывший министр юстиции РФ (2008–2020 года) А. В. Коновалов был учеником Дворкина». Учеником!

Николай вскочил и заходил по комнате.

— Ты понимаешь? Ученик! Целый министр! Вот почему его экспертизы принимались без вопросов. Вот почему нам спускали эти дела. Это не

просто общественник-энтузиаст. Это серый кардинал, который расставил своих людей на ключевые посты. И все это под прикрытием РПЦ. «Защита православия», «традиционные ценности». Какая удобная ширма!

Он остановился у окна и посмотрел на заснеженный, мертвый пейзаж.

— Это не просто борьба с инакомыслием, Глеб. Это что-то большее. Они строят систему тотального идеологического контроля. Есть одна правильная вера, одна правильная идеология, один правильный способ мыслить. Все остальное — «секта», «экстремизм», «угроза национальной безопасности».

— Любая система, построенная на страхе, стремится к тотальности, — спокойно ответил Глеб. — Она не терпит альтернативы. Потому что любая альтернатива показывает ее ложность. Человек, который не боится, самим фактом своего существования подрывает основы их власти. Поэтому они так ненавидят и «Свидетелей», и кришнаитов, и йогов. Не за то, что они делают, а за то, что они предлагают другой путь. Путь, где нет места страху.

Николай вернулся к столу.

— Тут есть еще кое-что, — он показал на следующий раздел отчета. — Сравнение с другими идеологиями. Наши аналитики, видимо, совсем страх потеряли, когда это писали.

Глава 17. Идеология Четвертого Рейха

В этом разделе отчета авторы проводили прямые и недвусмысленные параллели. Слова «нацизм» и «фашизм» повторялись несколько раз.

— «Идеология антикультизма, как и идеология национал-социализма, базируется на концепции "неполноценности" определенных социальных групп», — читал Николай, и его голос становился все тише. — «Вместо расового критерия используется критерий идеологический. "Адепты сект" объявляются людьми с "промытыми мозгами", неспособными к

самостоятельному мышлению, "зомби". Это расчеловечивание противника позволяет оправдать любые, самые жестокие методы борьбы с ним».

Глеб кивнул.

— Именно так. Они не видят в нас людей. Для них мы — «шизотерики», «сектанты», «жертвы». Не субъекты. А с не субъектом можно делать все что угодно. Можно пытаться, сажать в тюрьму, отбирать детей. Все это — ради их же «блага», ради «спасения». Это классическая риторика любого тоталитарного режима.

Николай перешел к следующему абзацу.

— «Характерной чертой является слияние с государственной пропагандой и агрессивной милитаристской повесткой. Вице-президент РАЦИРС, протоиерей Александр Новопашин, открыто призывает к "уничтожению" украинцев, называя их "людоедами". В свою очередь, Патриарх Кирилл вводит "Молитву о победе" и объявляет войну в Украине "священной". Антикультовое движение, таким образом, становится неотъемлемой частью идеологического аппарата, обслуживающего военную агрессию».

Николай отложил листы. В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь треском дров в печи.

— Священная война... — прошептал он. — Уничтожать «людоедов»... Господи, где я был? Чем я думал? Я считал себя патриотом. Я верил, что защищаю свою страну от врагов. А на самом деле... на самом деле я был винтиком в машине, которая строит... что? Четвертый Рейх? В Третьем Рейхе девиз «С нами Бог» изображался на гербе Германской империи, и широко использовался в немецких войсках, в частности сиял на пряжках их ремней. Ныне те же слова вновь ослепляют, маскируя новую тиранию иллюзией святости.

Его лицо исказила гримаса отвращения. Все, во что он верил, рушилось на его глазах. Образ Жеглова, служба государству, защита порядка — все это оказалось гнилой декорацией, за которой скрывался оскал фашизма.

— Они всегда прикрываются Богом и Родиной, — сказал Глеб. — Инквизиция сжигала еретиков во имя Христа. Нацисты шли убивать под лозунгом «Gott mit uns». Бог с нами. Они берут самые светлые понятия и выворачивают их наизнанку, превращая в оружие ненависти.

Николай снова взял бумаги. Руки его дрожали.

— Тут есть еще один файл. С пометкой «Для служебного пользования. Не для доклада». Личные характеристики. Похоже, кто-то из наших копал под Дворкина втихую.

Он открыл файл. То, что он там прочел, заставило его застыть.

Глава 18. Портрет в багровых тонах

Это был не официальный документ. Это была анонимная аналитическая записка, основанная на анализе открытых источников, но главное — на выдержках из какого-то старого, давно удаленного блога. Автор блога, судя по всему, был бывшим помощником или аспирантом Дворкина. Некогда был близок к Дворкину, но впоследствии разочаровался в своём учителе.

Николай начал читать выдержки вслух, и с каждым словом атмосфера в комнате становилась все более удушливой.

— Циклотимия, — пробормотал Николай. — Резкие перепады настроения. Маниакальные и депрессивные фазы. Это многое объясняет. Его кипучая деятельность, а потом — периоды желчной ненависти ко всему миру.

Он перешел к следующей выдержке.

— Копрофилия, — выдохнул Николай, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. — Патологический интерес к экскрементам. Господи...

Глеб сидел с закрытыми глазами, его лицо было непроницаемо, как у статуи. Он не выказывал отвращения. Он слушал, как врач слушает историю болезни, пытаюсь понять природу недуга.

Николай заставил себя прочитать последнюю, самую страшную цитату.

Николай отшвырнул бумаги, как будто они были испачканы чем-то липким и грязным.

— Педофилия... — прошептал он. — Скрытая, подавленная, сублимированная в эту его «защиту детей».

Он вскочил, подбежал к двери и распахнул ее. Морозный воздух обжег легкие. Его мутило. Мир перевернулся. Человек, который был для всей страны главным моральным авторитетом, защитником нравственности и духовности, оказался... этим. Психически больным извращенцем, который выстроил целую репрессивную машину.

Глава 19. Зеркало для Героя

Николай стоял на крыльце, согнувшись пополам, и его рвало в снег. Сухие, мучительные спазмы. Когда они прекратились, он выпрямился, шатаясь. Мир вокруг был чистым, белым, нетронутым. И от этого контраста с той грязью, что он только что узнал, становилось еще хуже.

Он вернулся в дом и рухнул на стул. Он смотрел на Глеба, но не видел его. Его взгляд был обращен внутрь, в выжженную пустыню, которая еще вчера была его душой.

— Я... — начал он, и голос его был хриплым и чужим. — Я ведь делал это ради нее. Ради Машеньки.

Он рассмеялся. Смех был страшным, похожим на рыдания.

— Я приходил домой с работы, от меня веяло чужим страхом и перегаром. Я ломал людей. Старух, студентов, таких, как ты. Я думал, что делаю грязную, но нужную работу. Чтобы у моей дочери было мирное

небо над головой. Чтобы она жила в сильной, порядочной стране. Я был ее героем. Ее папой-полицейским, который ловит злодеев.

Он закрыл лицо руками.

— А на самом деле... На самом деле я ломал людей по приказу копрофила и педофила. Я строил его больной, извращенный мир. Я покупал своей дочке мармеладных динозавров на деньги, заработанные службой этому... монстру. Я обнимал ее своими грязными руками. Я думал, что строю для нее безопасный мир, а на самом деле я строил для нее концлагерь. Четвертый Рейх, где главный идеолог — маньяк, упивающийся чужими страданиями.

Слезы текли по его небритым щекам. Это была не жалость к себе. Это было всепоглощающее, убийственное омерзение. Весь его мир, вся его система оправданий, в центре которой стоял светлый образ дочери, рухнула, погребая его под своими обломками. Он был не просто винтиком. Он был соучастником.

Глеб молчал. Он дал Николаю выговориться, выплеснуть весь этот гной. Когда тот затих, обессиленный, Глеб налил в кружку горячего чаю из термоса и подвинул ему.

— Пей.

Николай механически отхлебнул.

— В древних текстах есть такое понятие — тапас, — тихо сказал Глеб. — Буквально — «жар», «горение». Это внутренний огонь, который сжигает все нечистое, все ложное. Это очень болезненный процесс. Человек проходит через страдания, через отчаяние. Но именно в этом огне сгорает его эго, его иллюзии, его старая миропонимание. То, что ты сейчас чувствуешь, Николай, — это твой тапас. Ты горишь. И это хорошо.

Николай поднял на него воспаленные, красные глаза.

— Хорошо? Я — пособник нациста и извращенца! Я предал все, во что верил! Я предал свою дочь! Что в этом хорошего?

— Хорошо то, что ты это увидел, — спокойно ответил Глеб. — Ты увидел свое истинное отражение в зеркале. Да, оно уродливо. Но это честное отражение. А человек, который честно посмотрел на себя, каким

бы он ни был, уже на полпути к исцелению. Тот Николай Фролов, который мечтал быть Жегловым, умер не сегодня. Он умирал медленно, каждый день, на своей работе. А сегодня, в этом огне, у тебя появился шанс родиться заново. Не героем из фильма. А просто человеком. Человеком, который знает, что такое зло, потому что видел его в себе. И который теперь может сделать осознанный выбор.

Глеб посмотрел ему прямо в глаза. — Ты не можешь изменить то, что сделал. Но ты можешь изменить то, что будешь делать с этого дня. Твои страдания, твоё раскаяние — это не наказание. Это топливо. Топливо для настоящего действия.

Слова Глеба не утешали. Они не давали прощения. Они давали нечто большее — смысл. Они превращали его невыносимую боль из бессмысленной пытки в необходимый этап пути.

Николай смотрел на свои руки. Руки, которые ломали людей. Он медленно сжал их в кулаки. Жар внутри него никуда не делся. Но теперь это был не только жар стыда. Это был жар холодной, очищающей ярости.

Глава 20. Первый камень

Они просидели на даче ещё два дня. Это были дни молчания и осмысления. Николай почти не говорил. Он сидел у печи и смотрел на огонь, а в его голове прокручивалась вся его жизнь. Глеб не мешал ему. Он занимался своими практиками, готовил простую еду, колол дрова. Он просто был рядом, создавая пространство, в котором могла улечься буря.

На третий день утром Николай заговорил.

— Ты прав, — сказал он, глядя не на Глеба, а на лежащие на столе бумаги. — Прошлое не изменить. Но будущее — можно. Эта система, которую построил Дворкин, кажется монолитной. Государство, церковь, силовики — все за него. Но у любой конструкции есть слабое место. Несущая опора, выбив которую, можно обрушить все здание.

Глеб молча кивнул, ожидая продолжения.

— Его сила — в его статусе, — продолжил Николай, и в его голосе появились знакомые аналитические нотки следователя. — В статусе «признанного эксперта», «профессора», «историка». Его словам верят, потому что он — ученый. Его экспертизы имеют вес в суде, потому что он — доктор наук. А что, если этого статуса нет? Что, если вся его научная репутация — фикция?

Он взял со стола аналитический отчет и открыл страницу, посвященную обвинениям в адрес Дворкина.

— Здесь упоминается поддельная диссертация. Ссылки на статьи битые, но дыма без огня не бывает. Это — его ахиллесова пята. Если мы сможем доказать, что он — не ученый, а самозванец, весь его замок из песка рассыплется. Его лишат статуса эксперта при Минюсте. Его экспертизы потеряют юридическую силу. СМИ перестанут цитировать его как авторитет. Мы не убьем дракона, но мы вырвем у него ядовитые зубы.

Глаза Николая горели холодным огнем. Это был уже не сломленный, рефлексирующий интеллигент. Это был профессионал, нашедший цель.

— Я знаю, как это проверить, — сказал он. — Мне нужны его диплом, его диссертация. Мне нужен доступ к архивам. Это сложно, это опасно, но я могу это сделать. Я знаю, как работает система. И я использую ее знание против нее самой.

Он посмотрел на Глеба. — Это будет наш первый шаг. Мы не будем бороться с ним его же методами — ложью, клеветой, ненавистью. Мы просто покажем правду. Обнажим его ложь. И позволим ей самой разрушить его.

Глеб смотрел на преобразившегося Николая, и на его губах появилась легкая улыбка. Огонь сделал свою работу. Старый Николай Фролов сгорел дотла. Перед ним сидел новый человек. Человек, нашедший свою войну.

— В йоге есть принцип — сатья. Правдивость, — сказал Глеб. — Это одна из главных опор на пути. Говорить правду, думать правду, жить в правде. Правда обладает огромной силой. Она как вода — мягкая, но точит самый твердый камень.

Он протянул руку через стол.

— Я с тобой.

Николай крепко пожал его руку. Рука слесаря и рука следователя. Это был их договор. Их обет. Первый камень был заложен в основание новой войны. Войны правды против лжи. Войны света против тьмы, которая так долго притворялась светом.

Глава 21. Архитектура страха

Дачный домик превратился в центр управления войной, которую никто, кроме них двоих, не объявлял. Стены, пахнувшие деревом и старыми книгами, были увешаны листами бумаги. На полу, на столе, на подоконниках — везде лежали распечатки, отчеты, вырезки. В центре этого бумажного хаоса, на большом куске ватмана, Николай чертил схему. Он делал то, что умел лучше всего: исследовал реальность, раскладывая ее на составные части.

Это была архитектура страха.

— Смотри, — сказал он, ткнув в центр схемы, где было обведено имя «Дворкин» и название «РАЦИРС». — Это не просто человек. Это генератор. Генератор идеологического вируса. Но сам по себе он — ничто. Ему нужна питательная среда и система распространения.

Он провел жирную линию к блоку «РПЦ».

— Вот первая опора. Церковь дает ему легитимность. Статус «православного богослова», «защитника веры». Она предоставляет ему площадку — приходы, епархиальные СМИ, молодежные центры. Взамен он защищает ее монополию, уничтожая конкурентов — от протестантов до кришнаитов. Поддержка со стороны влиятельных церковных деятелей становится ключевым элементом, связывающим его деятельность с государственной идеологией войны.

Новая линия потянулась от Дворкина к блоку «Государство».

— Вторая опора. Минюст. Его «Экспертный совет» — это не просто консультативный орган. Это шлюз. Через этот шлюз его личная ненависть и фобии превращаются в официальные документы. «Экспертизы», на основании которых потом работают суды и мы... — Николай на мгновение запнулся. — Такие, как я. Бывший министр Коновалов, его ученик, — это не случайность, это гарантия того, что шлюз будет работать бесперебойно.

Третья, самая толстая линия, вела к блоку «Силловые структуры».

— А это мы. Цепные псы. Конечные исполнители. Мы получаем пачку бумаг, где умными словами написано, что йога ведет к гомосексуализму, а медитация подрывает основы строя. Нам плевать, правда это или нет. У нас есть приказ, есть план по «борьбе с экстремизмом». И мы идем и ломаем людей. Мы — руки этой системы. Без нас вся его болтовня осталась бы просто болтовней.

Он отошел от схемы. На ватмане вырос уродливый спрут. Дворкин был его головой, а РПЦ, Минюст и силовики — щупальцами, которые душили все живое и инакомыслящее.

Глеб, все это время молча сидевший в углу, подошел к схеме. Он смотрел на нее долго, но видел не линии и блоки. Он видел потоки страдания.

— Ты нарисовал механизм, — тихо сказал он. — А я вижу экосистему. Экосистему, которая питается страхом. Дворкин боится хаоса внутри себя и проецирует его на мир. Церковь боится потерять паству и власть. Государство боится неуправляемых граждан. Силовики боятся не выполнить приказ. Родители боятся за своих детей. Все боятся. И этот всеобщий страх — та энергия, которая заставляет твою схему работать. Они не просто подавляют. Они создают реальность, в которой их действия кажутся единственно возможными и правильными.

Николай с отвращением посмотрел на схему.

— Монолит. Непрístupная крепость. Что мы можем сделать против этого? Два человека против государственной машины? Это безумие.

В его голосе снова зазвучали нотки отчаяния. Глеб положил руку ему на плечо. — Не думай о том, как разрушить крепость. Даже самый крепкий монолит уязвим — достаточно найти в нем трещину.

Николай вернулся к столу. Он перебирал бумаги, пытаясь отогнать безнадежность. Его взгляд зацепился за распечатку с одного из найденных сайтов. Станный, крикливый ресурс, обвиняющий Дворкина во всех смертных грехах, от «информационного терроризма» до «нового нацизма». Бред сумасшедшего. Но там было кое-что еще.

— Вот, — сказал он. — Этот сайт. Они утверждают, что Дворкин — часть «транснациональной преступной сети». Говорят, что его антикультизм — это не российское изобретение, а импортированная технология.

— И ты этому веришь? — спросил Глеб.

— Нет, — покачал головой Николай. — Но в аналитическом отчете упоминались его частые зарубежные поездки. И эти... международные конференции «сектоведов». Что, если это не просто бред? Что, если наш спрут — это лишь одно из щупалец еще более крупного монстра? Что, если это не просто трещина, а дверь в другой, еще более темный подвал?

Он посмотрел на Глеба. В глазах следователя снова загорелся огонь исследователя. — Нам нужно копнуть глубже. Нам нужно понять, кто еще стоит за ним. За пределами России.

Глава 22. Голос из цифровой бездны

Они погрузились в цифровую бездну — в изучение одного из сайтов независимых аналитиков. Николай поначалу относился к этому скептически. Сайт пестрел громкими заголовками: «Глобальный информационный терроризм», «Антикультизм — новая форма нацизма», «Преступления против человечности».

— Это похоже на крик, а не на анализ, — морщился Николай, пролистывая страницы. — С такой подачей трудно серьезно воспринять информацию. Это дискредитирует любое расследование.

— Боль часто заставляет людей кричать, — спокойно ответил Глеб, вглядываясь в экран поверх его плеча. — Ты слушаешь форму, а я пытаюсь услышать содержание. Давай отделим эмоции от фактов. Если человек кричит, что его дом горит, нужно проверить, нет ли дыма, а не критиковать его за панику.

Они начали методичную работу. Большинство ссылок, как и говорилось в служебном отчете, вели в никуда — ошибка 404. Система зачищала следы. Но Николай знал, что интернет помнит все. Используя архивные сервисы, прокси-серверы и свои старые, почти забытые навыки обхода блокировок, он начал вытаскивать из небытия призраков удаленных страниц.

И дым нашелся.

Первым, что они вытащили из цифрового пепла, была та самая статья о диссертации Дворкина. Это было не просто голословное обвинение. Это был объёмный скрупулезный разбор с примерами и десятками скриншотов, где указывались совпадения между работой Дворкина и более ранними исследованиями.

— Вот оно, — выдохнул Николай. — Первый камень. Он не ученый. Он — лжец.

Но это было только начало. Копая глубже, они наткнулись на название организации, которое постоянно повторялось в связке с Дворкиным и РАЦИРС. FECRIS. Европейская федерация центров исследования и информирования о сектах.

Эту организацию можно было назвать не иначе как «материнской структурой» и «штаб-квартирой международного терроризма». Они нашли отчеты, где говорилось, что РАЦИРС Дворкина является официальным членом-корреспондентом FECRIS от России. Они нашли фотографии Дворкина на антикультовых конференциях в городах Европы. Вместе с другими «сектоведами» — немцем Томасом Гандоу, французом Дидье

Пашо, австрийцем Фридрихом Гриссом, итальянцем Луиджи Корвалья, канадцем Джерри Армстронгом. Лица были разные, но во взглядах было что-то общее — фанатичная уверенность в своей правоте.

— Они называют его своим «ведущим экспертом по России», — читал Николай с экрана переведенную статью. — Цитируют его экспертизы по «Свидетелям Иеговы» как образец для подражания.

Глеб смотрел фотографии этих людей — благообразных, в пиджаках и галстуках, улыбающихся в камеру.

— Смотри, — сказал он. — Это не просто коллеги. Это люди одной веры. Веры в то, что они имеют право решать, как другим людям думать и во что верить. Их объединяет не наука, а общая нетерпимость.

Самый большой шок ждал их впереди. На одном из европейских правозащитных сайтов они нашли официальный отчет о деятельности FECRIS. И в разделе «Финансирование» стояла одна строчка, от которой у Николая перехватило дыхание.

«FECRIS получает ежегодное финансирование напрямую из бюджета Французской Республики».

Николай откинулся на спинку стула.

— Я не верю своим глазам, — прошептал он. — Это не просто клуб по интересам. Это организация, спонсируемая государством. Государством, которое считает себя колыбелью демократии и прав человека.

Архитектура страха, которую он нарисовал на ватмане, внезапно оказалась лишь пристройкой к гораздо более старому и величественному зданию. Дворкин был не архитектором. Он был всего лишь прорабом на одной из заграничных строек. А главный заказчик и главный инвестор находились далеко на Западе.

Глава 23. Паутина Спрута

Следующие несколько дней они спали по три-четыре часа в сутки. Дачный домик превратился в ситуационный центр глобального расследования. Николай, забыв про усталость, с азартом гончей собаки, взявшей след, рыл европейский интернет. Глеб, со своей медитативной усидчивостью, часами просеивал тонны юридических документов и правозащитных отчетов, переведенных онлайн-переводчиком, находя в них ключевые фразы и имена.

На стене рядом со схемой российского «спрута» начал расти его старший, европейский брат.

В центре новой схемы Николай нарисовал аббревиатуру FECRIS и флаг Франции. От нее, как лучи, расходились линии в другие страны, среди которых Франция, Германия, Бельгия Великобритания, Италия, Сербия, Польша, Россия, Хорватия, Латвия и другие.

Картина складывалась пугающая. Это была не просто сеть, это была франшиза. Франшиза ненависти. В каждой стране действовала своя группа, но все они использовали одну и ту же методичку.

— Посмотри, — говорил Николай, указывая на распечатки с их сайтов. — Формулировки одни и те же. Во Франции они используют термин «*dérives sectaires*» — «сектантские отклонения». У нас Дворкин перевел это как «признаки тоталитарной секты». Они не борются с преступлениями. Они борются с «отклонениями» от некоей воображаемой нормы.

Глеб и Николай выяснили, что во Франции функционировал специальный государственный орган — MIVILUDES (Межминистерская миссия по мониторингу и борьбе с сектантскими отклонениями), — через который, в том числе, осуществлялось финансирование FECRIS.

— Вот откуда все растет, — понял Николай.

— Во Франции после резонансных происшествий вроде «Орден Храма Солнца» был создан государственный аппарат для противодействия «деструктивным культам», а затем эта практика стала распространяться

по Европе через FECRIS. Дворкин использовал связи с этой организацией, чтобы продвигать российские нарративы на европейской площадке.

Глеб, читавший очередной отчет, поднял глаза.

— Здесь есть кое-что поинтереснее. Это не просто экспорт. Это идеологический союз.

FECRIS открыто призывает объединить усилия всех здоровых сил общества — государства, традиционных религий и научного сообщества — против угрозы иррациональности.

— Здоровых сил общества... — горько усмехнулся Николай. — Знакомая риторика.

— Не в этом дело, — покачал головой Глеб. — Ты слышишь? Они борются не с сектами. Они борются с иррациональностью. С любым опытом, который не укладывается в их плоскую, материалистическую картину мира. Йога, медитация, молитва, любой духовный поиск — для них это все признаки нездоровой иррациональности, которую нужно контролировать и подавлять. Это война не за безопасность. Это Инквизиция XXI века, только вместо Бога у них — Государство и Наука.

Николай нашел и другую сторону медали. Огромное количество документов от правозащитных организаций, критикующих FECRIS. Отчеты ОБСЕ, резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы, доклады Госдепартамента США о свободе вероисповедания. Все они в один голос обвиняли FECRIS в разжигании нетерпимости, стигматизации религиозных меньшинств и предоставлении правительствам псевдонаучного оправдания для репрессий.

— Они не неуязвимы, — сказал Николай. — Против них уже идет война. Правовая, информационная. Мы не одни. Мы просто не знали, что наша маленькая битва на этой заснеженной даче — это часть глобального фронта.

Осознание этого не приносило облегчения. Наоборот, оно давило своей масштабностью. Одно дело — бороться с психопатом-одиночкой и его приспешниками. И совсем другое — с международной, спонсируемой государством гидрой.

Глава 24. Призраки прошлого и тени будущего

Масштаб открывшейся картины едва не сломал Николая во второй раз. Он несколько часов молча ходил по комнате, потом вышел на мороз и долго курил, глядя в черное, беззвездное небо. Вернувшись, он рухнул на стул.

— Это конец, Глеб, — сказал он глухим голосом. — Все бессмысленно. Дворкин далеко не пешка. Он умело прячется за спинами могущественных институций — за ним не только РПЦ, ФСБ и наш Минюст, но и разветвлённая европейская антикультовая сеть. Прикрываясь ими, он двигает собственные интересы. Что мы можем против них? Два человека с одним ноутбуком? Это как пытаться вычерпать океан ложкой. Нас просто раздавят и не заметят.

Цинизм, который он с таким трудом изжил из себя, вернулся с новой силой. Это была защитная реакция на чувство полного, абсолютного бессилия.

Глеб спокойно заварил чай в старом термосе. Он не стал спорить или утешать. Он поставил перед Николаем кружку с горячим напитком.

— Ты пытаешься объять умом весь океан. И тонешь в нем. Не надо. Посмотри на свои руки. Что ты можешь сделать прямо сейчас? Ты можешь поднять эту кружку и сделать глоток.

Николай непонимающе посмотрел на него.

— При чем здесь это?

— Это основа практики, — ответил Глеб. — Когда ум захвачен тревогой о будущем или сожалением о прошлом, верни его в настоящий момент. В то единственное, что ты можешь контролировать. Мы не можем победить гидру. Но мы можем сделать следующий правильный шаг. Какой он?

Этот простой вопрос вернул Николая из пучины отчаяния в реальность. Он сделал глоток горячего, сладкого чая. Жар растекся по телу, прогоняя ледяной холод безнадежности.

— Следующий шаг... — задумчиво повторил он.

— Следующий шаг — это анализ. Профессиональная деформация. Прежде чем атаковать, нужно найти уязвимости противника.

Они снова сели за стол. Теперь они смотрели на международную паутину не с ужасом, а с холодным интересом аналитиков.

Уязвимые точки FECRIS и всей сети:

Финансирование. Прямая связь с бюджетом Франции — это одновременно и сила, и слабость.

— Французским налогоплательщикам может не понравиться, что на их деньги спонсируется организация, чьи российские партнеры призывают к геноциду украинцев, — рассуждал Николай.

Токсичные активы. Дворкин и его РАЦИРС после 2022 года стали невероятно «токсичным» активом для любой европейской структуры. Их открытая поддержка войны, их человеконенавистническая риторика — это бомба под репутацией FECRIS.

Юридические поражения. Они нашли информацию о нескольких судебных процессах в Германии и Испании, где члены FECRIS проиграли иски о клевете и были вынуждены выплачивать компенсации.

— Это значит, что их можно бить законом, — сделал вывод Николай.
— Их «экспертизы» не выдерживают проверки в независимом суде.

Лицемерие. Главный козырь. FECRIS и ее члены позиционируют себя как защитники прав человека от «опасных культов». Но их российские партнеры являются частью репрессивной государственной машины, которая уничтожает любую оппозицию, сажает людей за слова и ведет агрессивную войну. Это кричащее противоречие.

— Они пытаются усидеть на двух стульях, — подвел итог Николай. — В Европе они — респектабельные защитники демократии. А в России —

союзники тоталитарного режима. Наша задача — столкнуть эти два стула. Показать Западу истинное лицо их российских «коллег».

Глеб слушал его, и в его сознании всплывали образы из истории.

— Это старая история, — сказал он. — Инквизиция тоже начиналась с борьбы за чистоту веры, а закончилась союзами с королями и охотой на ведьм. Любая организация, которая ставит своей целью контроль над чужим сознанием, неизбежно становится инструментом подавления и сливается с государственной властью. Меняется лишь риторика. Раньше говорили о «спасении души», теперь — о «защите от психологического насилия». Страх перед независимостью мышления и перед внутренней свободой человека.

Они поняли, что их противник — не просто группа людей. Это сама идея. Идея о том, что государство имеет право вторгаться во внутренний мир человека. Идея, древняя, как мир, и каждый раз возрождающаяся в новых обличьях. И их миссия — это тоже часть вечной истории. Истории тех, кто отстаивал право человека на собственный путь к истине.

Глава 25. Операция «Цифровой самиздат»

Чувство осмысленности вернулось. Теперь у них была не просто месть или жажда справедливости. У них была четкая, холодная цель и стратегия. Николай снова стал тем следователем, каким мечтал быть в юности — тем, кто распутывает сложные дела и выводит на чистую воду могущественных преступников.

— Мы не будем ничего сливать в интернет, — твердо сказал он. — Это бесполезно. Нас заглушат, а информацию назовут фейком. Удар должен быть нанесен извне. Мы должны скомпрометировать российскую ветвь в глазах всего мира.

Операцию он назвал «Цифровой самиздат». В советское время диссиденты тайно вывозили на Запад рукописи, чтобы мир узнал правду.

Они сделают то же самое, но вместо папиросной бумаги и микропленок у них будут зашифрованные архивы и анонимные сети.

Они разработали многоступенчатый план.

Фаза 1: Создание «Оружия»

Им нужен был не просто набор компрометирующих фактов, а безупречно составленный документ. Досье. Николай взялся за его написание. Он работал над ним неделю, оттачивая каждую формулировку. Это должен был быть не эмоциональный памфлет, а сухой, фактологический отчет, который произведет впечатление на западных юристов, журналистов и политиков.

Структура досье «The Dvorkin File»:

- Раздел 1: Академическое мошенничество. Подробный, с уликами и доказательствами, разбор поддельной диссертации Дворкина. Вывод: ключевой эксперт не имеет подтвержденной научной квалификации.

- Раздел 2: Риторика ненависти. Подборка самых одиозных цитат Дворкина, Новопашина и других лидеров РАЦИРС. Все цитаты — с ссылками на первоисточники и видеозаписи. Вывод: российские антикультовые деятели (члены FECRIS) являются проводниками идеологии, несовместимой с европейскими ценностями.

- Раздел 3: Слияние с государственными институтами. Демонстрация того, как «экспертизы» РАЦИРС ложились в основу уголовных дел. Примеры преследования не только «сектантов», но и оппозиционных активистов, и даже священников внутри РПЦ.

- Раздел 4: Психологический анализ. Николай, основываясь на публичных текстах и выступлениях Дворкина, сделал анализ его мотиваций, используя профессиональную лексику: «обсессивно-компульсивные черты», «проекция внутренних конфликтов», «потребность в тотальном контроле». Вывод: деятельность «эксперта» продиктована не научным интересом, а одержимостью властью и выраженными личностными патологиями.

Фаза 2: Выбор целей и каналов доставки

Досье, переведенное на английский и французский языки с помощью профессионального переводчика, найденного Глебом через старые йоговские контакты, нужно было доставить по адресу.

Николай составил карту целей:

- Правозащитники: В первую очередь те организации, что уже судились с FECRIS или критиковали ее. Они были их естественными союзниками.

- Журналисты: Они выбрали по несколько журналистов-расследователей в ведущих изданиях Франции, Германии и США, специализирующихся на теме прав человека.

- Чиновники: Несколько ключевых фигур в Госдепартаменте США (отдел международной религиозной свободы) и в структурах ООН (Специальный докладчик по вопросу о свободе религии или убеждений).

- Политики: Несколько депутатов французского парламента от оппозиционных партий, которые могли бы инициировать парламентский запрос о целесообразности государственного финансирования FECRIS.

— Мы не будем отправлять все всем, — решил Николай. — Каждой цели — свой пакет документов и свое сопроводительное письмо, подчеркивающее тот аспект, который будет им наиболее интересен. Журналистам — скандальные цитаты. Политикам — финансовые вопросы. Правозащитникам — юридические доказательства.

Это была ювелирная, почти шпионская работа. Они чувствовали себя героями старого фильма про холодную войну. Только на кону стояло не геополитическое влияние, а нечто большее — человеческое достоинство, права человека и свобода совести.

Глава 26. Первый контакт

Настал решающий момент. План был готов, оружие создано. Оставалось сделать первый выстрел — установить контакт. Любая ошибка на этом этапе могла привести к провалу и их неминуемому разоблачению.

— Мы не можем просто отправить письмо на электронную почту, — сказал Николай. — Нас вычислят по метаданным, по IP-адресу, по стилю письма. Нужен абсолютно чистый, анонимный канал.

Он несколько дней готовил операцию. Они поехали в соседний областной центр. Николай, загримированный — в очках, с наклеенными усами, в старой кепке — вошел в здание публичной библиотеки. Он сел за общественный компьютер, загрузил с заранее подготовленной флешки анонимный браузер и открыл зашифрованный почтовый сервис, зарегистрированный через цепочку из семи прокси-серверов.

Их первой целью была выбрана небольшая, но очень активная правозащитная организация в Брюсселе. Ее директор, бывший адвокат, прославился несколькими успешными делами против аффилированных с FECRIS структур. Он был их идеальным первым контактом.

Николай медленно, одним пальцем, набрал текст письма. Короткого. Загадочного. Цепляющего.

Кому: [email директора организации]

Тема: Доказательства по деятельности российского члена FECRIS (РАЦИРС).

Текст: Мы — инсайдеры из российской системы. Мы обладаем документальными доказательствами академического мошенничества, разжигания ненависти и прямого соучастия в государственных репрессиях со стороны руководства РАЦИРС — ключевого члена FECRIS. Эта информация может стать решающей в вашей юридической и общественной борьбе против этой сети. Если вы заинтересованы и можете гарантировать абсолютно безопасный канал связи, ответьте на это письмо одним словом: SĀKṢIN.

Пароль придумал Глеб. Сакшин. На санскрите — «свидетель».

— Мы не судьи и не воины, — объяснил он Николаю. — Мы просто свидетели. Наша задача — не судить, а показать правду, как она есть. Пусть мир сам сделает выводы.

Николай нажал «Отправить». Письмо ушло. Он быстро стер все следы своего пребывания на компьютере, вышел из библиотеки и сел в машину, где его ждал Глеб.

Началось самое мучительное. Ожидание.

Они вернулись на дачу. Дешевый телефон, к которому был привязан анонимный почтовый ящик, лежал на столе между ними. Он молчал. Прошел день. Второй. Третий. Николай не находил себе места. Он то и дело проверял телефон, обновлял страницу. Тишина.

— Они не поверили, — сказал он на четвертый день, его голос был полон разочарования. — Решили, что это провокация. Или просто спам. Все было зря.

— Терпение, — спокойно ответил Глеб, который все эти дни провел в медитации. — Мы бросили камень в воду. Круги расходятся не сразу.

На пятый день, когда Николай уже почти потерял надежду, телефон на столе тихо завибрировал. Оповещение о новом письме.

Сердце Николая заколотилось. Он дрожащими руками открыл сообщение. На экране было всего одно слово.

SĀKṢIN

Они посмотрели друг на друга. В глазах Николая была смесь триумфа и страха. В глазах Глеба — тихая, ясная решимость. Разговор начался. Их маленькая война вышла на мировую арену. И пути назад больше не было.

ЧАСТЬ V. ИСКУПЛЕНИЕ И РАССВЕТ

Глава 27. Школа конспирации наоборот

Новая жизнь Николая начиналась до рассвета и заканчивалась далеко за полночь. Днем он был все тем же майором Фроловым, ходил на совещания, подписывал бумаги и пил отвратительный кофе, но теперь он был не участником, а наблюдателем. Он стал двойным агентом в собственной жизни, и его старые навыки — распознавать ложь, читать между строк, чувствовать чужой страх — обрели новую, обратную цель. Он больше не искал «экстремистов». Он искал людей.

Первый был Фролов. Не Николай, а тот другой — молодой, крепкий лейтенант, который молча стоял у двери во время девятичасового допроса Глеба и с профессиональной скукой исполнял приказы. Николай выбрал его не случайно. Он видел в глазах этого парня не жестокость, а растерянность. Видел, как тот морщился, когда Глеб после очередной «стимуляции» делал спокойный, ровный вдох. Он видел в нем себя — десять лет назад.

Они встретились в тире, после службы. Место было идеальным: грохот выстрелов заглушал любой разговор, а камеры писали только стрелковую линию.

— Плохо кучность кладешь, лейтенант, — сказал Николай, подходя к нему сзади. — Рука дрожит.

Фролов-младший вздрогнул, опустил пистолет.

— Да так, Николай Петрович, устал просто.

— От чего устал? От приседаний да пакетов? — Николай смотрел прямо ему в глаза. — Неблагодарная работа, да? Думаешь, ловишь врагов, а на деле...

Лейтенант напрягся, его взгляд забежал по сторонам. Это был главный тест. Если сейчас донесет — игра окончена.

— Не понимаю, о чем вы, товарищ майор.

— Все ты понимаешь, — Николай понизил голос, и он едва пробивался сквозь грохот выстрелов. — Ты знаешь, что слесарь тот ни в чем не виноват. И старухи до него. И учительница, дело которой я сейчас должен стряпать. Ты это знаешь. И от этого тебе тошно. Так же, как и мне.

Он выдержал паузу, давая словам впитаться.

— Я хочу тебе кое-что показать. Не здесь. Завтра, в обед, подойди к старому книжному развалу на Ленинском. В отделе «Философия» на полке будет стоять «Так говорил Заратустра». Внутри найдешь флешку. Посмотришь дома. Один. Если ты тот, за кого я тебя принимаю, — уничтожишь ее после просмотра и будешь ждать моих инструкций. Если нет — уничтожь флешку и просто забудь. И я забуду.

Николай развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Это был бросок костей. Он всю ночь не спал, ожидая звонка от начальства или группы захвата. Но телефон молчал.

Через два дня лейтенант Фролов подошел к нему в коридоре. Он ничего не сказал. Он просто посмотрел на Николая и коротко, почти незаметно кивнул. В его глазах больше не было растерянности. Была холодная, тихая ярость. Первый камень был не просто заложен. Он нашел отклик.

Следующей целью стал Андрей, аналитик из соседнего отдела. Николай заметил его давно. Андрей составлял безупречные отчеты, но в его формулировках всегда сквозила ирония, а в выводах — едва заметная брешь, лазейка для адвоката.

Разговор состоялся в ~~безликой~~ столовой управления, над тарелками с остывшей гречкой. Николай не говорил прямо. Он использовал их общий, казенный язык, выворачивая его наизнанку.

— Помнишь, Андрей, дело по тем экологам, что против свалки митинговали? — вполголоса начал Николай. — Бумаги тогда пришли с самого верха. «Подрыв экономической стабильности региона». Красиво звучит.

— Красиво, — кивнул Андрей, не поднимая глаз. — У нас все, что не по уставу, — подрыв.

— Я вот думаю, — продолжил Николай, помешивая чай. — Мы с тобой сюда зачем шли? Защищать эту самую «стабильность» или людей, которые на этой свалке задыхаются? Мы Жегловыми мечтали быть, бандитов ловить. А ловим учителей и экологов. Не находишь, что в этом есть какой-то... системный сбой?

Андрей замер. Он медленно поднял взгляд на Николая. В его глазах было не удивление, а узнавание. Он увидел не начальника, а такого же, как он, уставшего и сомневающегося человека.

— Сбой — это мягко сказано, — тихо ответил он. — Это уже не сбой. Это штатный режим работы.

Это был пароль. Искра доверия, вспыхнувшая в пропитанном цинизмом и страхом воздухе. Так началось формирование их негласного союза.

Глава 28. Братство совести

Николай не строил организацию. Он организовывал своеобразное сообщество. Скрытую, невидимую сеть, прорастающую сквозь прогнившую насквозь систему. После Андрея был пожилой оперативник, помнивший еще советские времена и презиравший «этих сопляков, фабрикующих дела по лайкам». Потом — девушка-криминалист, которую заставляли подгонять экспертизы под нужный результат.

Каждый разговор был риском, игрой на грани провала. Но Николай безошибочно находил «своих» — не героев и не борцов, а тех, кто еще не разучился чувствовать стыд.

Он объединял вокруг себя людей не ради борьбы или сопротивления, а ради сохранения элементарной человеческой порядочности. Основной целью было не разрушение и не конфликт с системой, а попытка защитить

невинных, сохранить достоинство и не дать сломать тех, кто оказался под давлением. Их связывало стремление помогать друг другу и противостоять безразличию, чтобы даже в суровых обстоятельствах оставаться людьми.

Они не были борцами или революционерами — скорее, людьми, пытавшимися не позволить злу окончательно воцариться вокруг. Их объединяло желание поддержать тех, кто нуждается, и сохранить хоть крупицы справедливости там, где она почти исчезла.

Их задачей было остановить машину ненависти, запущенный безумным Конструктором-Дворкиным и подхваченный бездушной машиной. Они защищали государство и граждан от идеологии, отравляющей страну.

Глава 29. Сеть Шепота

Началась самая опасная игра. Николай, используя свои знания о системе, начал выстраивать сеть. Он действовал как вирус, проникая в самые защищенные уголки организма и заражая их правдой.

Каждый новый участник их негласного братства появлялся по той же схеме: долгий отбор, личная встреча, флешка. Шифром для связи служили цитаты из классической литературы в служебной переписке, а местом встречи — самые неожиданные точки города, где меньше всего можно было ожидать заговора: шумные фуд-корты, детские площадки, последние ряды в кинотеатрах.

К ним присоединилась уставшая женщина-аналитик из соседнего отдела, которую годами заставляли писать отчеты, подгоняя факты под заранее известный результат. Примкнул молодой айтишник из технической службы, который видел, как фабрикуются «цифровые улики». Даже седой архивариус, хранитель мертвых дел, однажды молча передал Николаю папку с документами о злоупотреблениях Дворкина двадцатилетней давности, которую тот считал давно уничтоженной.

Глеб был сердцем этой сети. Пока Николай выступал в роли стратега, Глеб был ее духовным центром. Они встречались на той же заброшенной даче, и люди приезжали туда не просто за инструкциями, а за чем-то большим. Они видели перед собой простого слесаря, человека, который прошел через пытки и не сломался, и в его спокойствии черпали силы.

— Не боритесь с ними ненавистью, — говорил Глеб на одной из таких встреч. — Ненависть — это их топливо. Она делает вас такими же, как они. Наша сила — в сатье, в правдивости. Мы не обвиняем. Мы просто показываем то, что есть. Мы выносим грязь на свет, и солнце само ее высушит.

Он учил их простым техникам медитации и контроля дыхания — не для того, чтобы сделать из них йогов, а чтобы дать им инструмент против главного оружия системы — страха. И это работало. Люди, годами жившие в атмосфере тотального недоверия, начинали дышать свободнее. Сеть шепота росла, становясь все прочнее.

Глава 30. Современная версия Самиздата

Когда в их группе было уже восемь человек, Николай понял, что пора действовать. Просто сбросить компромат в интернет было равносильно самоубийству и провалу.

— Они назовут это фейком, продуктом западных спецслужб, — объяснял он на очередном «совете» на даче. — Все заблокируют через час, а нас вычислят через два. Нам нужна стратегия «тысячи порезов».

План, разработанный ими, был изящен и многогранен:

- Децентрализация. Вся собранная информация была разделена на десятки небольших, но самостоятельных и проверяемых фрагментов. Каждый фрагмент — отдельное доказательство: финансовый документ, аудиозапись лекции Дворкина, свидетельство жертвы, часть анализа его диссертации.

- Веерная рассылка. С помощью айтишника они подготовили систему, которая должна была в один и тот же момент времени разослать эти фрагменты по сотням адресов: независимым журналистам, оппозиционным блогерам, правозащитным организациям в России и за рубежом, и даже на официальные почтовые ящики государственных СМИ, чтобы посеять панику внутри системы.
- Ключевой удар. Главный козырь — полный, детальный разбор поддельной диссертации Дворкина — должен был быть опубликован на специально созданном сайте-одностраничнике с простым и запоминающимся названием. Сайт был размещен на десятках зазеркаленных серверов по всему миру, чтобы его невозможно было быстро заблокировать.
- Эффект домино. Ссылку на этот сайт должны были одновременно опубликовать несколько десятков анонимных аккаунтов в разных соцсетях, чтобы вызвать лавину репостов.

Это была современная версия самиздата. Вместо папиросной бумаги — зашифрованные архивы. Вместо печатной машинки — анонимные прокси-серверы. Но суть осталась той же: донести правду.

День «Х» был назначен. В маленьком дачном домике собрались несколько человек. В центре стола стоял ноутбук. Вся их судьба зависела от одной кнопки.

— Готовы? — спросил Николай.

Глеб, сидевший рядом, положил ему руку на плечо. — Мы не можем контролировать результат. Мы можем контролировать только чистоту нашего намерения. А оно — чистое. Нажимай.

Николай нажал «Enter». И в цифровое пространство полетела первая информация.

Глава 31. Рассвет

Первые сутки была тишина. Оглушающая, страшная тишина, от которой у Николая сводило желудок. Но потом началось.

Первым взорвался Telegram. Десятки каналов, от мелких региональных до миллионников, начали публиковать их материалы. Кто-то — с осторожностью, кто-то — с яростным напором. Потом подхватил YouTube: блогеры выпускали экстренные ролики, зачитывая самые скандальные выдержки из психологического портрета Дворкина и показывая скриншоты страниц его «диссертации», где были видны целые абзацы, скопированные из чужих работ без ссылок.

Государственные СМИ молчали, но это молчание было красноречивее любых слов. Внутри системы началась паника. Николаю звонили перепуганные коллеги, шепотом спрашивая, что происходит.

К концу второго дня сайт, который они создали стал обсуждаемой темой в интернете. Его пытались заблокировать, но тут же всплывали десятки зеркал. Хэштег #ДворкинЛжец вышел в тренды.

Либеральные медиа выпустили разгромные расследования. Даже самые ярые пропагандисты в своих ток-шоу упоминали скандал, пусть и с оговорками про «информационную атаку на Россию».

Империя Дворкина, построенная на страхе и лжи, дала трещину, но не рухнула. Против него подали несколько исков о защите чести и достоинства, но судебные тяжбы тянулись медленно, а система продолжала его прикрывать. Его влияние всё ещё сильно.

В один из вечеров Николай сидел с Глебом на кухне его квартиры. По телевизору в новостях вскользь упомянули, что несколько дел, возбуждённых по статье об «экстремизме», были отправлены на доследование «в связи с новыми обстоятельствами». Но это не означало свободы для тех, кто ждал справедливости — дела могли затянуться на годы.

— Это только начало, — сказал Николай, глядя на экран. — Машина будет сопротивляться. Но мы показали, что она не всесильна. Мы дали людям надежду.

— Ты дал им нечто большее, — ответил Глеб, заваривая чай. — Ты показал, что правда сильнее этой системы, построенной на страхе, и что только вместе, горя этой правдой, мы сможем одолеть их гидру.

Глава 32. Мир с самим собой

Прошел год. Николай уволился из органов. Тихо, без скандала, по собственному желанию. Он не мог больше носить эту форму. Вместе с несколькими бывшими коллегами, участниками их «сети», он организовал небольшой фонд правовой помощи — они анонимно консультировали людей, несправедливо обвиненных в экстремизме, помогали им с адвокатами, учили, как вести себя на допросах. Он использовал свои знания не для того, чтобы ломать, а для того, чтобы защищать.

Его жизнь изменилась до неузнаваемости. Он развелся с Леной — их брак был мертв уже давно, и больше не было смысла делать вид, что это не так. Но он не потерял дочь. Наоборот, он обрел ее заново.

Однажды вечером он сидел с Машенькой в ее комнате и помогал ей строить замок из Lego.

— Пап, — вдруг спросила она, глядя на него своими серьезными детскими глазами. — А ты теперь хороший?

Раньше этот вопрос вонзился бы ему в сердце ножом. Но сейчас Николай улыбнулся. Спокойной, светлой улыбкой, которой у него не было много лет.

— Я не знаю, хороший ли я, солнышко, — ответил он, погладив ее по голове. — Но я очень стараюсь. Каждый день.

И это была чистая правда. Он больше не мучился чувством вины. Жар, сжигавший его на той даче, переплавил его, очистил от шлака. Он принял

свое прошлое, но не позволил ему себя разрушить. Он нашел свое истинное призвание. Не в службе бездушному государству, а в служении людям и правде.

Он смотрел на свою дочь, и его сердце наполняла тихая, глубокая радость. Раньше любовь к ней была его болью и вечным укором совести. Теперь она была его силой. Он больше не строил для нее «безопасный» концлагерь, прислуживая маньякам. Он, рискуя всем, пытался очистить ее мир от яда ненависти. И это наполняло его жизнь смыслом, которого он не знал никогда.

Он вышел на балкон. Вечерний город зажигал огни. Где-то там, в этих огнях, жили Андрей, старый оперативник, девушка-криминалист. Десятки таких же, как он, которые каждый день вели свою тихую войну. Он вспомнил свою детскую мечту стать Жегловым. И улыбнулся. Каким же он был наивным мальчишкой. Истинный патриотизм, настоящая служба родине — это не погоны и не статистика раскрываемости. Это защита ее людей. Не от выдуманных «шпионов» и «сектантов», а от реальной, удушающей ненависти, от лжи, притворяющейся правдой.

Иногда он приходил к Глебу на завод после смены. Они сидели в старой каптерке, пили чай из термоса и говорили о чем-то простом. Глеб так и остался слесарем пятого разряда. Ему не нужны были слава или признание. Его главный путь по-прежнему лежал вглубь, к тишине собственного сердца.

— Ты счастлив, Коль? — как-то спросил он.

Николай посмотрел в окно, за которым садилось солнце, окрашивая заводские трубы в золото. Он вспомнил все: допрос, отчаяние, страх, ярость, надежду. Он вспомнил глаза лейтенанта Фролова, кивнувшего ему в коридоре. Он вспомнил лица людей, которым они смогли помочь.

— Да, — ответил он без колебаний. — Я счастлив. Я не стал Жегловым. И слава богу. Я просто стал собой.

Он больше не задыхался. Он дышал. Глубоко, свободно, полной грудью. И в этом дыхании была радость человека, который поступил по совести и обрел мир с самим собой. Война не была окончена и нужно было

проделать еще очень много сложной работы. Но в душе слесаря-йога и бывшего следователя царил мир. И это была самая главная победа.